18+

Геннадий Кожемякин

ГЕРОЙ ОДНОГО ДНЯ

Криминальный роман

Геннадий Кожемякин

Герой одного дня. Криминальный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72210922
ISBN 9785006238824

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Очередная книга Геннадия Кожемякина повествует о событиях недалёкого прошлого. Житель небольшого подмосковного городка Люберцы, Александр Потехин живёт «как все», тихо и спокойно, как вдруг, стараниями его бывшего командира, ставшего полковником ФСО, его находит заслуженная награда – звание Героя России. Жизнь резко меняется, иногда вопреки желанию самого героя.

Содержание

ГЕРОЙ ОДНОГО ДНЯ 6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Как карта ляжет 7
Глава 1. Сегодня, вчера и завтра 8
ГЛАВА 2. Как просыпаются героями 20
ГЛАВА 3. «Репетиция парада» 31
ГЛАВА 4. Куда пойти, куда податься? 42
Глава 5. Ушат холодной ЖКХ 52
ГЛАВА 6. Засада у высоты 217.0 57
ГЛАВА 7. Семья Потехиных 69
ГЛАВА 8. Гвардии капитан Василевский 76
ГЛАВА 9. Выпить с Родиной полезно 82
ГЛАВА 10. Служили два разведчика, ага! 87
ГЛАВА 11. Награждение в Кремле 98
ГЛАВА 12. Визит в родную школу 106
ГЛАВА 13. Встреча с тренером 119
ГЛАВА 14. Боевое братство 127
Конец ознакомительного фрагмента. 129

Герой одного дня
Криминальный роман

Геннадий Кожемякин

Технический редактор Мария Александровна Ченцова
Иллюстратор Вадим Витальевич Карташов

© Геннадий Кожемякин, 2025
© Вадим Витальевич Карташов, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0062-3882-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЕРОЙ ОДНОГО ДНЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Как карта ляжет

…Историческая личность появляется лишь тогда, когда она востребована естественным ходом событий. История двигает личностью, а не наоборот. Возможно, среди вас, сидящих сейчас в аудитории студентов, которым предстоит стать преподавателями словесности, сидят несостоявшиеся полководцы и революционеры. Но на данном этапе истории в этом не возникла необходимость, поэтому вы ими не станете.

(Из лекции по социологии в шумной университетской аудитории эпохи «Застоя»)

Глава 1. Сегодня, вчера и завтра

«Неужели»!?» – сердито подумал Санёк, продолжая активно двигать тазом и осыпать разгорячённую любимую старательными поцелуями. Похоже девушка ещё не поняла, что её друг, выражаясь по-народному – обломался. Такое уже случалось, не далее как на прошлой неделе, когда в самый неподходящий момент в дверь их уютного «хрущёвского» гнёздышка кто-то позвонил, а потом и властно забарабанил. Как выяснилось позже, это приходили сотрудники жилищного управления. Принуждать должника к оплате.

Вот и сейчас в дверь позвонили. «Ща начнут колотить, ломиться! Наверняка опять эти уроды из „Монолита“ припёрлись!» – зло думал Саня, закипая, но не прерывая любовного контакта. Из принципа!

В дверь никто не колотил, но, как говорится – и этого хватило. Санёк упрямо, но тщетно шлёпал потными причиндалами по передку близкой к оргазму подруги и виновато целуя её вдруг вспомнил сакраментальное: «Пилите, Шура, пилите!»

– Есть хорошая польская поговорка, Саша! – ледяным тоном изрекла Катюха, решительно выбираясь из его жарких, влажных объятий. – «Если членом не дожмёшь, – яйцами не достукаешь»! Почитай-ка – «Брак под Микроскопом» Ванды Кинессы. Хорошая книга. Высвободившись она от-

ползла на край дивана и молча лежала на спине, что-то злобно высматривая в потолке. Саня неспешно вытирал заготовленным заранее полотенцем пропотевшие места организма. Он не знал, что сказать. Может пошутить?

– А я как звякнули в дверь, сразу поняла, что любви конец! – ядовито продолжила Катя, криво усмехаясь. – И знаешь почему? Потому, что ты трус! Ты этих дур из ЖКХ, боишься – как чёрт ладана.

«Ишь, какая проницательная!» – зло подумал парень. – «Твою бы проницательность – да в мирных целях… а лучше – помогла бы с долгами рассчитаться!» Вытершийся и до сих пор терпеливо молчавший, он сердито покосился на её злое, раскрасневшееся лицо и понял, что их дальнейшее пребывание в одном помещении нежелательно. В особенности – его задело про труса.

– Я оказывается ещё и трус! Это же надо ляпнуть такое боксёру и разведчику, – процедил он сквозь зубы, закипая. – Тогда вали отсюда!

Признаться, он не ожидал, что возражений не последует. Обычно дамы не любят покидать место встречи «по команде», они предпочитают уходить «по собственному почину». Однако, на этот раз, продолжая рассуждать о «несостоятельности пьяницы и лентяя», девушка быстро собралась и резко хлопнув дверью покинула квартиру. Даже не накрасившись перед уходом.

– «Что-то очень не так в моей жизни» – думал Саня, сидя

на сбитой влажной постели и допивая остатки «вечернего» самогона.

Напиток был хороший, ядрёный. Саня брал его у своего бывшего начальника по работе. Для своих тот не халтурил, пить можно было смело. И обходилось недорого. Допив слегка отдающие сивухой остатки и зажевав пойло солёным огурцом, Саня отправился в «заведение». Вернулся и с размаху плюхнулся на кровать, закрыв глаза и глубоко дыша. Физически ему «захорошело», но оставался осадок от сексуального фиаско, вылившегося в какую-то непонятную и отвратную размолвку с Екатериной. И эти её слова… Нет, не про труса. Трусом он не был и всем это было известно. Во-первых, он боксёр, а трусы в боксе долго не задерживаются, даже если и забредут в зал по ошибке. Во-вторых: он вполне достойно в Чечне оттрубил, в элитном подразделении, между прочим… А вот фразой о том, что он никчёмный бездельник и неудачник, Катюха его прибила всерьёз.

– «А ведь, пожалуй – так и есть!» – уныло думал он. – «Права, стерва!» После опохмела, его клонило в сон, но он стал размышлять над тем, как могло получиться, что его брат-близнец, «жопорванец» Николай – на всех фронтах успешен, а у него, Саши, всё с точностью до наоборот. На подступах приятной дремоты, он вспоминал прошлое.

Тогда, много лет назад, накануне вступительных экзаменов в Университет, в семье Потехиных царило оживление.

Сыновья Заслуженного Учителя РФ, преподавателя русского языка и литературы Майи Георгиевны Потехиной близнецы-братья Николай и Александр, поступали в ВУЗ. Московский Государственный Гуманитарный Университет им. Шолохова. На исторический факультет.

– Обязательно регистрируйтесь в разных группах! И пусть Колька за тебя сочинение пишет! – в сотый раз талдычила мать, клонясь над торопливо поглощающим завтрак Сашей, но поглядывая при этом на чинно жующего Колю. – Я ему за это сюрприз уже приготовила! Труд должен быть вознаграждён! Пусть идёт с твоим листком и пишет, не рассыплется! А то ты там такоооое понапишешь! – напутствовала сыновей Майя Георгиевна накануне сочинения. Инструктаж был продолжительным бурным и надоедливым.

Дело в том, что Колька, брат-близнец Сашки, учился получше, больше читал и вообще был поуспешней и «положительней» брата. Но никогда им ещё не приходилось пользоваться своим сходством в корыстных целях. Вернее – даже не так! В корыстных-то целях, по мелочам, конечно приходилось (порой это было очень даже забавно), а вот в мошеннических – нет!

– Ты же педагог, мама! А толкаешь нас на преступление, – глумился прирождённый скоморох-Саня. – Нарушаешь кодекс учителя!

– Хватит тут ёрничать! Нет такого кодекса! – парировала мать. – А преступление уже то, что такой олух как ты идёт

на исторический! Историком! Историком стать собирается! И ведь – будет, упрямый баран! Вот где настоящее преступление!

– Неисповедимы пути господни, мама! – продолжал сын подмигивая. – Подполковник запаса Путин тоже рулить великой страной не собирался, хотел в питерской мэрии вторую молодость спокойно доработать! А дядя Боря доверил… и гляди-тко, рулит как миленький! – изгалялся Санёк.

– Хватит трепаться! Просто нашу Россию сам Бог оберегает! – отрезала мать. – Хорошо, что у «дяди Бори» на новый срок сил уже не было! Пропил не только страну, но и своё здоровье, алкаш.

Майя Георгиевна не любила подобных разговоров, а наш новый президент: ловкий, с молодцеватой походкой, вкрадчивым голосом и… интригующих слухах о Кабаевой (повезло же девке!), ей очень нравился. Мачо! Когда же он в ответ на серию взрывов жилых домов (вот, наваждение-то было!), ответил мощной и главное успешной контртеррористической операцией на Кавказе, ей окончательно стало ясно: – «С таким руководителем, хоть в рай, хоть в ад»!

Сделав всё по маминому наставлению, братья-близнецы благополучно поступили на исторический. Правда Санёк прошёл, что называется – «со скрипом».

– Теперь я спокойна! – восклицала Майя Георгиевна на семейном застолье. – Благодарите мать! Впереди у вас целая жизнь! Дерзайте!

Из контекста было не совсем ясно за что им благодарить мать. Может быть за то, что выросли «высокообразованными и культурными людьми», а может быть за то, что надоумила Кольку сдавать сочинение за Сашку. Вообще-то у неё тема про «благодарите мать вашу» – была одной из любимых.

Забегая вперёд отметим, что доучился на историка только Николай. Тот, что «абсолютно нормальный», в отличии от «маминого недоразумения» Саши. Но наша история совсем не об этом.

Непутёвый Сашка с детства писал стихи. Так себе поэзия, но для ребёнка – получалось неплохо.

«В саду моём стоит берёза. Из окон вижу я её.

Когда терзают сердце грёзы, покоит сердце шум её…» И так далее.

Саня накропал это в шестом классе и радостно и гордо понёс в люди. Отзывы были самые разные.

Сашкин приятель, ещё с детского сада, Алексей Вишняков, по кличке Вишня, был щедр на похвалы и предложил писать стихи вместе. Санёк с охотой согласился.

Дома же восторгов было поменьше. Мама небрежно пробежала текст стоя у плиты за приготовлением клёцок. Под счастливо добытый отцом майонез и специи. Пожав плечами она бесстрастно констатировала:

– Как-то это всё очень незамысловато… Бу-бу-бу… Поэзия это всегда огонь! Недосказанность! Подоплёка и образ-

ность!

– Есенинщина! – с улыбкой резюмировал папа, похлопав сына по плечу и впопыхах застёгивая портупею. Он спешил на свою офицерскую службу.

– А папа меня похвалил! – гордо сообщил маме Санёк. – Сказал, что мой стих – Настоящая Есенинщина! Прибавив к «есенинщине» определение «настоящая», мальчик хотел усилить эффект похвалы, но мать лишь расхохоталась.

– Иди помой руки и садись обедать, поэт! Невольник чести! Чтобы писать стихи надо хорошо питаться, – как Пушкин с Лермонтовым. А если тебе сказали – «есенинщина», то это означает, что твой стих, лишь неумелое подражание великому поэту Есенину. Я тоже в детстве писала! И не стишки, а большоооой роман! И когда твой дедушка сообщил мне, что это «тургеневщина», то я тоже очень обрадовалась.

– Не знаю, – нахмурился Саня. – Ведь и вправду стих вышел почти как у Есенина! И ребята так говорят! «Ребятами» был Вишня.

– Это и плохо, что «ПОЧТИ как у Есенина»! – отрезала мать, вконец озадачив Санька. – Кушай лучше, а то тощий совсем стал. Про то, что ты на Кащея похож стал ребята не говорят?

– Старики просто не хотят, чтобы ты зазнался! – резюмировал накануне рассудительный Вишня. – Это их право. Но видно же, что стих удачный!

– Думаешь? – уточнил Санёк с надеждой.

– Уверен! Сто пудов.

Потирая макушку, Санёк сердито перечитывал свои стихи, а сам всё размышлял над очевидными на его взгляд, нестыковками в позиции взрослых критиков. В защиту своего поэтического дара, он решил подключить логику.

– «Будем мыслить последовательно!» – рассуждал он. – «Ведь, если „Почти Как у Есенина“ это плохо, то получается, что „совсем как у Есенина“ (без почти) – это… ну, средненько, неплохо, но не более того».

Саня видел в этом некий парадокс и явную неувязку. Итак, «если принять за основу, что великий поэт писал Отлично, то получалось, что писать почти как он, это как минимум – Хо-ро-шо! Даже очень хорошо. Ну, конечно же, именно так: Очень Хорошо! Почти отлично это означает – очень хорошо! Дураку же понятно».

«Это Очччень Хорррошо, Даже Ооочень Хорошо!» – предательски зазвучала в его голове песенка Буратино. «Был поленом – стаааал мальчишкой, замечательным парнишкой!»

«Был мальчишкой – стаааал поленом…» – переиначилось в утомлённом рассуждениями детском мозгу.

Саня сердито отогнал это наваждение и вновь призадумался. Ему вспомнилось как папа, вернувшись с курсов автовождения гордо воскликнул: «Инструктор сказал, что я уже вожу машину почти как великий гонщик Шумахер!» А мама тогда зааплодировала и даже обняла его, радостная такая. А вовсе не сказала с презрительной усмешкой, что это

плохо.

– «И ведь прямая же аналогия видна с «почти как Есенин» – сердито думал Саня, сопоставив ситуации.

Немного поразмыслив он решил, что взрослые к нему просто придираются. Но Санёк за словом в карман не лез и уже знал как вывести их на чистую воду. Улучив минуту, когда мать снова стояла у плиты (а потому никуда не могла сбежать), он начал с места в карьер:

– Мама, ты же поздравляла папу, с тем, что он ездит почти как великий Шумахер! Было?

– И что с того?

– Было или нет? – не унимался Сашок. Он плёл хитрую ловушку.

– Ну, было! – сердито отвечала мать, интенсивно помешивая снедь. На сковородке пригорало – масла немного не хватило.

– А то! – торжествующе вскричал Саня. – Если он молодец, что ездит почти как лучший гонщик Шумахер, то почему я не молодец, что пишу почти как лучший поэт Есенин!

Ловушка захлопнулась, довольный мальчик топтался посреди кухни и потирал руки.

Сковорода дымилась, жарить омлет почти без масла, не лучший вариант. Оно закончилось ещё накануне, лишь несколько капель оставалось, а мама забыла купить. И ведь хотела же! Но – забыла!

– Так что ответит наш филолог? – не унимался Саня.

– За маслом сбегай!

– А по существу!? Что с Шумахером и Есениным будем решать?

– Ты ненормальный что ли!? – раздражённо закричала мать. – Отец не ездит почти как Шумахер! А ты не пишешь почти как Есенин! Он вообще ездить не умеет, обалдуй! (Непонятно было в чей адрес) Я с ним боюсь в машину садиться! И ты… такой же бестолковый! Марш в магазин, Есенин! За маслом! – крикнула она, притушив огонь.

Вообще-то проблема мамы братьев Потехиных заключалась в том, что, отучившись на преподавателя русского языка и литературы, на – подчеркнём это, – Хорошего преподавателя, она не стала Педагогом. Хотя считается, что все будущие учителя средней школы автоматически являются ещё и педагогами. Майя Георгиевна была просто не способна поговорить с сыном хотя бы полчаса, стать ему Собеседником, а её назидания и напутствия сводились к избитым школьным штампам, повторялись день ото дня и длились не более двухтрёх минут.

В тот день разочарованный Санёк бросил стихи и даже невзлюбил поэзию. Особенно, конечно, Есенина. «Всё, мол, у него речушки, да берёзки – про это даже дети писать могут!» Пройдут годы, и Саня вернётся к написанию стихов на более серьёзном уровне. Писать он будет уже неплохо и довольно самобытно. Перед армией он даже пару раз публиковался в молодёжном журнале «Горизонт». Кто знает,

может его талант раскрылся бы гораздо раньше, получи он в детстве поддержку взрослых. И толковое объяснение: почему писать «почти как Есенин» не значит писать хорошо.

Все взрослые с детства привечали его «старшего» брата Колю. Привечали за всё: за добросовестность, исполнительность, за правдивость наконец… За правдивость! А как не быть правдивым, когда он практически не совершал поступков, за которые могло влететь! Помните у классика: «Оттого Вы, старики и безгрешны, что грешить не получается!» Юный Коленька – таким старичком и был! С детства. А, согласитесь – надо быть патологическим лжецом, чтобы врать там, где врать нет никакой необходимости. Кстати, таким вруном называла мама другого сына – Саню. Мол, тот постоянно ерундит, даже когда нет надобности.

Конечно, это было явное преувеличение, никаким патологическим вруном сын не был и лгал только тогда, когда это было необходимо во спасение. Другое дело, что необходимо это было частенько, так как жизнь его была куда насыщенней событиями, чем у послушного Коли. А когда повседневность так богата «сложными» событиями, естественно, в ней случаются и неприглядные моменты! Как поётся в песне: «Мир без чудес – чёрно-бел»! В общем Саня отличался от Коли, примерно так как знаменитый Серёжа Сыроежкин от Электроника.

А дальше всё шло по законам жанра. Коля, примерный студент, успешно доучился на историческом и устроился

на работу каким-то архивариусом. Вопреки, кстати, маминому стремлению сделать из него учителя истории. Саня же, осилив три курса, ушёл в загул, завалил сессию и был благополучно отчислен. И как следствие, он в отличие от Коли пошёл в армию. Но тут ему наконец-то подфартило – попал в спортроту. Всё-таки к тому времени он уже был неплохим боксёром, уверенно выполнил норматив первого спортивного разряда.

Майя Георгиевна была тогда очень расстроена и разочарована сыном.

– И, ведь Николай же абсолютно нормальный парень! – восклицала она с надрывом.

Эту присказку Саня слышал с самого раннего детства. Когда мама не хотела впрямую оскорблять Сашу (не ахти какой, но педагог же), она восклицала про нормальность Коли, а уж из контекста вытекала ненормальность Саши. По правде сказать, «младшой» не особо заморачивался по этому поводу. Должен же среди множества нормальных быть кто-то и не нормальный!

Всё это сейчас, после громкого ухода любимой, вспоминал Санёк. Сквозь эти и им подобные думки сон овладел-таки непутёвым Потехой. Вскоре он забыл обо всём и стал наглядным подтверждением аксиомы, что сон – лучшее лекарство! И это сущая правда.

ГЛАВА 2. Как просыпаются героями

Вчера нашему невезучему по жизни герою наконец подфартило! Зайдя в игровой зал, интересную примету той поры, он долго выбирал во что играть. В основном – между «Чертями» и «Лягушками». Остановился на последних. То, что аппарат, что называется – «даёт», он почувствовал сразу. Вложенные двести рублей быстро превратились в две тысячи. Продуманные люди в таких случаях спокойно снимают деньги и уходят домой, но не таков был наш Санёк. Поверив в удачу, он запихнул всё сумму в дело и стал гонять по большим ставкам. Теория больших чисел, как он её важно именовал, сработала! Пучеглазая попрыгунья победно скакала с кочки на кочку, не падая в воду и быстро увеличивая размер выигрыша. Когда сумма барыша докатилась до двенадцати тысяч рублей, Саня внял призыву приятеля-игромана «побояться Бога», смирил нездоровый азарт и решительно остановился. Получив у кассира выигрышную сумму, он засиял и весело подмигивал окружающим. На радостях парень одарил симпатичную операторшу клуба тысячной купюрой, дал «лишнюю» зелёную «на рассаду» своему болельщику, приятелю-игроману, и с чистой совестью упаковал в бумажник оставшиеся десять тысяч. Всё бы ничего (хотя негоже так кидаться денежками, пусть и шальными), но довольно долго не пивший Саня решил спрыснуть удачу.

На работу, в охрану, ему надо было заступать через двое суток, можно и гульнуть.

Перефразируя: Не быть бы несчастью – да счастье помогло! Саня позвонил двум одноклассникам, а те охотно поддержали его питейную идею. Вскоре на задворках знаменитого люберецкого стадиона «Торпедо» собралась весёлая компания, ватага любителей выпить за чужой счёт. Саня с чувством окунулся в процесс отмечания «новой, удачной полосы в жизни». Конечно, он имел ввиду, лишь выигрыш в игровом зале и даже представить себе не мог насколько выражение «Удачная Полоса Жизни» – оказалась близка к истине!

Солнечным, сентябрьским утром гром в доме Сани Потехина, грянул среди ясного неба.

Вот уже с полчаса по стационарному телефону (были когда-то и такие) настойчиво трелевали. Мобильный Саша отключил, как делал всегда когда хотел отоспаться. Вот выдернуть шнур телефона стационарного не счёл нужным, тем более, что звонили по нему очень редко. «Непонятные звонки» парень не любил, а звонки на домашний всегда непонятные.

Саша, мы помним, был хронический должник по ЖКХ, да и за свет давно не платил. Иногда свет ему отключали и тогда парень коротал вечера при свечах. Романтично конечно, но не всегда удобно, да и холодильник при этом страдал.

Когда Потехин в день зарплаты, получал свои «слёзы

охранника», то перво-наперво добросовестно раздавал долги родным и друзьям (святое дело: иначе, мол, люди больше выручать не будут), а оставшихся средств едва хватало на прозябание до следующей получки, но никак не на долги по квартире, которые всё копились и копились. После крайнего визита «жекахашников», Саня даже зарёкся подходить к входной двери на стук, буде не знал в точности кто именно пришёл.

– Если вы не в состоянии оплачивать такую большую квартиру, мы можем предложить вам комнату в общежитии! – участливо-ехидно твердила мордатая тётка, чей доход превышал Сашин в десять раз. Разумеется ей не могло прийти в голову, что причиной неуплаты при диком капитализме, может быть не жадность, а элементарное отсутствие денег.

Опасаясь новых визитов, Потехин по вечерам перестал включать «большой свет», тщательно занавешивал шторы и таился с томиком Булгакова в полумраке ночника над кроватью, противный сам себе и проклинающий «времена жуликов и воров».

Конечно, можно было обратиться к знакомому авторитету, а ныне руководителю районного Комитета по спорту. Тот наверняка бы помог с достойной работой, но… Как-то не складывалось.

Санёк часто перечитывал любимые книги, особенно – «Мастера и Маргариту».

– «Никогда не просите ничего у тех, кто сильнее вас! –

твердил Воланд. – Сами всё дадут…»

«Ага! Как же! Сами всё дадут»! – грустно ухмылялся парень. – Потом догонят и ещё добавят!» У него было немало влиятельных и авторитетных знакомых (все же «родом из спорта»), но те – или не читали Булгакова или не замечали Сашкиной нужды. Во-всяком случае «сами не давали» ему ничего. А может быть, по гордецу-босяку Потехину было не очень заметно, что он в чём-то нуждается.

В болезненно-тревожном сне, похмельный Санёк постанывая ворочался в жаркой, липкой постели. Он конечно слышал звонки телефона, но не реагировал. На этот раз ему приснился «голос Левитана». Голос торжественно сообщал (почему-то по радио «Ретро ФМ»), что, мол, Александр Потехин награждается за выдающиеся боевые заслуги. А вот, чем именно награждается, парень так и не понял. Но сама торжественность момента ему передалась по полной программе. Поэтому когда он на минутку проснулся, ему было както хорошо и радостно.

Саша прошёл свою срочную службу в Чечне, аккурат в период «восстановления конституционного порядка на территории мятежной республики». Наверное, подобные сны видели многие его братаны.

Но сны снами, а телефон всё заливался и заливался. Наяву. Саша упорно не хотел брать трубку, хотя уже окончательно проснулся и знал, что вновь ему не заснуть. Накануне, мы помним, он хватил лишнего в честь игрового выигрыша

и просто не мог встать. Нет, – в туалет он, конечно, поднимался, но только после невыносимых позывов. Опохмелять-ся он тоже не хотел, зная, чем это всё кончается. Да и не было на что, если честно, а вчерашнее пойло было выпито под чистую! Накануне, мы знаем, он щедро угощал товарищей и прогулял все деньги. Изрядно пропотевший страдалец периодически отхлёбывал из банки благоразумно оставленной на тумбочке простую воду, сдобренную половинкой лимона. И снова пытался забыться беспокойной дрёмой.

Наконец телефонная трель совпала с его очередным походом в туалет. Саня нехотя снял трубку и нерешительно «алокнул». Официальный, хорошо поставленный мужской голос (участковый!?) вежливо уточнил с кем разговаривает.

– Саша это! – хрипло выдавил парень. – Александр.

– Александр Сергеевич? Потехин?

– Ну, не Пушкин же!

– Очень приятно. Я же вам вчера вечером звонил, вы обещали сегодня к одиннадцати быть у нас! Забыли наверное?

– Где у вас?

– Понятно. Забыли. Это не есть хорошо, хотя не удивительно, -усмехнулся собеседник. – Вам надо подъехать в Администрацию города, каб. 233. Меня зовут Борис Ефимович! Не Немцов, конечно! – странно сострил незримый умник.

– Сегодня не могу! – просительно проныл Саша. – Приболел я тут.

Никаких звонков парень не помнил. Он лихорадочно соображал зачем мог понадобиться в Администрации города. – «Опять чёртов долг по ЖКХ?! Заберут они мою хату, ох, заберут хапуги»…

Всё это попахивало какими-то неприятностями и уж точно, не сулило ничего хорошего. И голос звонившего был какой-то юбилейно-издевательский.

«А если это звонок по вопросу оформления социальных льгот участнику боевых действий? – сквозанула робкая надежда. – Ага! Сейчас. Дождёшься от них!»

О том, чтобы он обещал куда-то там приехать парень совершенно не помнил, но знал такую особенность за собой выпившим: он мог вести любые разговоры как трезвый, а потом, хорошенько поспав, всё забывать. Меж тем – собеседник не унимался:

– Александр Сергеевич, дорогоооой! Обязательно нужно сегооодня! – твёрдо, и несколько развязно тянул чиновник. – Я тогда вышлю за вами свою машину, если вам нездоровится. А вы закутайтесь потеплее. Ведь бабье лето, солнечно! Не время сейчас болеть, ведь торжественная церемония через неделю. Собирайтесь пожалуйста, при себе надо иметь паспорт и три фотографии, 3 на 4.

– Нет у меня фотографий!

– Ну мы тут сделаем! У нас фотостудия на первом этаже! Собирайтесь пожалуйста, не тяните!

– Вы можете хотя бы сказать зачем я понадобился!?

– Да что Вы как маленький, Александр Сергеевич! – воскликнул чиновник. – Обсудить всё надо! Зря бы я Вас не беспокоил! Тут по вашу душу из Администрации Президента уже звонили. И то, что вам в Кремль ехать скоро, не забудьте! А Вы – болеть! Болеть мы все умеем!

Борис Ефимович «Не Немцов» давно догадался чем болен собеседник и про себя сердито ругал «русский бич – пьянство».

Внезапно Сашу осенила догадка, что это кто-то из знакомых алкашей развлекается, разыгрывает! После слов про Президента и Кремль, он сердито бросил трубку, прилёг в постель, снова приобнял влажную подушку и затих. От дурацкого разговора запершило в горле, во рту была сухость. Тяжело приподнявшись на локте, он жадно хлебнул из банки, прополоскал рот. Лимонная вода немного освежила. Телефон вновь зазвенел. Чертыхаясь, Саша сердито выдернул из гнезда штекер. Аппарат покорно затих. Сквозь мутную полудрёму парень подумал, что послезавтра на работу, что надо восстановиться и по возможности обойтись без спиртного. Ещё не хватало и новую работу, подогнанную его бывшим командиром – полковником Василевским потерять! Неясные сновидения будоражили сознание и уносили от реальности, наш страдалец снова погружался в сон.

Минут через двадцать в дверь квартиры позвонили, а потом и забарабанили. – «Интересно – это ЖКХшники» или на опохмел кто-то пожаловал?» – зло думал Потехин. Совер-

шенно разбитый он яростно сжимал кулаки, но не вставал. Удары в дверь усилились. Наконец, громко матерясь, Саня слез с дивана и сердито шлёпая босыми ногами по линолеуму решительно направился к входной двери. Будь там кто угодно, а не участковый, старший лейтенант Легашов, визитёру бы несдобровать!

– Здравствуйте, Александр Сергеевич! – бодро выпалил офицер. – Разбудил поди? Надо ехать, дорогой, в Администрацию города. Мне звонили из ГУВД, от завтрака оторвали! Поставили задачу Вас доставить, так сказать, к месту назначения! Позволите войти?

– Конечно! – ответил Саня растерянно, и сделав рукой приглашающий жест посторонился.

– Неважно выглядите, – сказал полицейский с некоторой укоризной разглядываю хозяина квартиры. – Я ведь, в некотором роде отвечаю за вас… как ваш участковый.

– Ну, пил. Так что, мне и выпить нельзя в выходной? – сердито парировал Саня.

– Можно конечно. Законом не возбраняется, – улыбался старлей.

– Вот я и воспользовался! Своим правом…

Саша сел на кровать и стал тереть лицо ладонью. Он был хмур и плох.

– Вам может 50 грамм? – участливо спросил визитёр. – Вы как алкоголь с утра переносите?

– Нормально переношу! – запальчиво бросил Саня, обод-

рённый тем, что речи о долгах по ЖКХ и кредитам, вроде бы не пойдёт.

– А крышу не снесёт? – спросил участковый. – Вы воевали. Знаете, как у некоторых служивых бывает… О-го-го! Я сталкивался, знаете ли…

– Не сносит у меня ничего. Мозги в порядке! – отрезал Александр, с надеждой и некоторым недоверием косясь на то как мент приоткрывает свой портфель.

– Ну, а в порядке, так и собирайтесь, а я пока распоряжусь, подмигнул старлей.

С этими словами полицейский пошёл на кухню, откуда мгновенно вернулся с двумя разномастными рюмками и тарелкой маринованных помидоров (с вечера остались). Достав из портфеля початый «Киновский» он споро наплескал почти по полной. Саша успел продеть в штанину только одну ногу, но прервав процесс одевания, сразу схватил одну из рюмок – ту, что побольше.

– Штаны-то наденьте! – поморщился полицейский, забирая у него стопарь назад. – Вам теперь нельзя так… По бомжовски… Вы теперь гордость наша!

Продолжая мало что понимать, Потехин всучил в штаны вторую ногу, с усилием застегнул непослушную молнию и вновь взял рюмку. На этот раз старлей не возражал и смотрел на него тепло и благосклонно.

– Я, Александр, не ханжа и люблю результат, а не лозунги всякие. Поэтому считаю, что лучше опохмелясь – нормально

соображать и двигаться, чем наоборот! – сказал участковый.

– Я тоже так считаю! – согласился Санёк.

– Ну! Тогда выпьем за нового Героя Российской Федерации! – торжественно изрёк участковый, налив себе и подмигнув Саньку. – К высокому званию Вас представили, поздравляю! – добавил он, видя разинутый в изумлении рот собеседника. – А Вы разве не знали?

Звонко чокнулись и быстро выпили. Надо сказать, что Александр чуть и сам не «чокнулся» при этих словах. «Герой России!? Вторая Чеченская была давно… Неужели Василевский подсуетился-таки!? Наградили всё-таки!?» – завертелось в голове.

– Поприличней-то нет брюк у Вас? Там Глава Администрации будет, – пробасил участковый, прожёвывая помидорину и с сомнением глядя на Санины штаны.

– Да и эти сойдут, растерянно бормотал Саня. – Я стирал их недавно. Нормальные чёрные джинсы….

– Саша, Саша! – качал головой импозантный, подтянутый Легашов. – Джинсы не бывают чёрными. Они бывают синими. Цвета морской волны бывают. Тем более, что эти у вас Были чёрными, а стали серыми. Впрочем, ладно. Паспорт не забудь, там на входе пропуска выписывают.

Участковый переходил, то на Ты, то на Вы. С одной стороны – они были ровесниками, а с другой стороны собеседник был Герой России! Но зато Легашов был участковым инспектором. Это их положение несколько уравнивало.

За окном посигналили. Санёк выглянул во двор и увидел у подъезда белую «Волгу».

– Это за мной, что ли? – изумился парень. – «Волжана» солидная. Немцов обещал прислать…

– Какой ещё Немцов!? – спросил офицер с сомнением глядя на Саню. – Вам, дорогой товарищ, пить нельзя!

– Вернее – «Не Немцов!» – шизофренически ответил герой.

Старший лейтенант укоризненно покачал головой и выглянул в окно.

– За Вами машина! Административная! – присвистнул полицейский. – Значит «Сам» прислал. Видите – какое уважение!

Затем он пристально взглянул Саньку в лицо. Взгляд героя был осмысленным, облик, что называется, – «порозовел».

– Ну, давай, дорогой, ещё по стопарю, на ход ноги! – подмигнул старлей. – Никогда до обеда не пью, тем более при исполнении. Но с Героем России – можно! Даже начальство бы, уверен, не заругалось.

Он окончательно перешёл на Ты, и даже потрепал Саню по плечу. – Не забывай старых друзей, когда вознесёшься, не зазнавайся!

Очевидно, подразумевалось, что участковый – лучший друг подотчётному населению.

ГЛАВА 3. «Репетиция парада»

Борис Зельцский, он же «Борис Ефимович Не Немцов», молодцевато одёрнул «форменный» чиновный пиджак и сердито поторопил завхоза Анатольича с организацией музыкального сопровождения. – Всё должно быть в натуральную! Мол, пускай герой привыкает к «шуму славы»! На неделе ожидалось прибытие Губернатора Московской области и руководство района решило под это событие подогнать чествование героического люберчанина. Земляк же!

Задача завхоза (он же Начальник Хозяйственного Отдела) заключалась в обеспечении музыкального сопровождения церемонии прибытия новоиспеченного Героя России Александра Потехина. Музыка к этому случаю имелась: известная песня в исполнении подзабытого нынче Муромова – «Боевым Награждается Орденом». Надо было только установить у главного входа в здание аппаратуру и расположить колонки. Сегодня была лишь репетиция будущего официального мероприятия, но накануне ему звонил его непосредственный начальник, бравый полковник запаса Андрей Александрович, что уже говорило за серьёзность момента. К тому же Анатольич знал, что Зельцский не любит халтуры. А тот, в свою очередь, знал, что халтуры не любит Глава района, а потому всё должно быть серьёзно и с огоньком.

По случаю субботнего утра, штатный разнорабочий был,

как водится, с похмелья, хотя накануне его предупреждали, что в субботу предстоит до обеда поработать за отгул. Видя его состояние, хозяйственник перетаскивал драгоценную аппаратуру сам, доверить пьянице-рабочему он мог только громоздкие дуры-колонки.

– Я с тобой послезавтра поговорю! – шипел Анатольич, зло косясь на неуклюжего, раскоординированного помощника и потащил неохватную, как вековой дуб, колонку сам, осторожно пробуя ногами мраморные ступеньки. Габаритная ноша загораживала ему видимость, недолго было и оступиться. Но – молодость победила! Осилил!

Наконец, всё было готово. Включили на пробу музыку, отрегулировали громкость. Около здания стала собираться группа зевак, в основном образцовые семьи, решившие выбраться выходным днём в городской парк. Погода выдалась подходящая, хоть и прохладно было, но сухо и солнечно. Обширный, любимый люберчанами Городской Парк располагался прямо за административным зданием.

Вскоре начальник АХО справился с важным заданием и площадь огласилась залихватским расторгуевским:

«О, Люба-Люба- Любэ! О-Любе-Люберцы моиииии!»

Жители города очень любили эту композицию. Молодые мамы с детьми из группы любопытных, начали притоптывать, а затем и приплясывать в такт бодрящей мелодии.

Я стою, а мне семнадцать леееет!

Ускоряется колхоз «Рассвееет!

Ускоряется моя стра-нааа!
Вот такие, брат, делааа!

Глядя на разгулявшуюся публику, Борис Ефимович нахмурился и крикнул хозяйственнику:

– Максим Анатольич! Ты не увлёкся!? Давай, включай «афганскую»! Проверим.

– Так пусть детишки потанцуют немного, Борис Ефимович! – взмолился завхоз. – Видите, какое веселье пошло!

Анатольевич был весёлый малый и любил народные гулянья.

– Давай, давай! – хмурился Не Немцов. – Дело сделаем, проверим всё и веселись тут с ними хоть до ночи! Я разрешаю.

Расторгуевский порыв приостановили и вскоре над площадью покатилось надтреснутое, муромовское:

Высока, высока над землёй синева,
Это мирное небо над Родиной,
Но простые и строгие слышим слова:
Боевым награждается орденом…

Смена музыкального репертуара вызвала свист отдельных, несознательных граждан. Взрослые нехотя приостановились, а дети по инерции продолжали танцевать.

– Отлично, Максим Анатольич! – сказал Распорядитель. –

Поставь песню на начало и как героя подвезут, так сразу и включишь.

Анатольич понимающе кивнул и принял к исполнению.

– Музон давай! Любэ давай! – неслось с площади. Людям хотелось веселья. Тем более, что выходной день и вокруг так солнечно! Особенно шумел некий верзила – Витёк Гужбанов, подошедший с женой и с сынишкой. Он был уже немного навеселе и хотел поплясать. Раззудиться, так сказать.

– Дорогие люберчане! Администрация города с удовольствием приглашает Вас в грядущую субботу приходить сюда, к нам, мы будем чествовать нашего земляка, Героя России Александра Потехина! Это наш славный земляк и наша гордость!

Речь чиновника увенчали аплодисменты и одобрительные крики горожан.

– Во, мляааа!!!!! Потехе дали Геррроя! – заорал бодрый, «остограмившийся» с похмелья Витёк, хорошо знавший братьев Потехиных. А как не знать! – Вместе учились в школе, а с Саней ещё и часто дрались, пока тот не занялся боксом… тогда драться с ним стало несколько неудобно.

Гужбанов яростно зааплодировал и даже запрыгал, периодически выкрикивая – «Браво!». Однако его почти никто не поддержал, а жена злобно цыкнула и отошла в сторонку.

– Слава Герою! – орал Витёк дурным, хриплым голосом. – Слава! Слава! Слава!

– Товарищ прапорщик, разберитесь пожалуйста! –

негромко, но твёрдо сказал Борис Ефимович обернувшись в сторону дежурившего поодаль полицейского наряда.

Увидев, что с пандуса спускаются «полицаи», жена проворно схватила Витька за рукав и повлекла прочь с площади.

– У тебя ум есть, чудик!? – сердито шипела она. – Хочешь в КПЗ выходные провести?

– Да не тащи ты меня, сам пойду! – поводил плечами муж, ретируясь, однако, с места. – Ум, ум… У тебя то ума больно много – красную юбку напялила.

Увидев, что к возмутителю спокойствия вернулось гражданское сознание, стражи порядка остановились на полпути и, косясь на Бориса Ефимовича, о чём-то разговорились. Сказать по-правде, им и не хотелось омрачать мероприятие – чай не «держиморды» какие, не опричники; – пускай, мол, земляки резвятся, выходной же!

В отсутствие заводного Витька, остальные горожане понемногу остепенились, прониклись моментом, музыку уже никто не требовал, в возникшей тишине все разочарованно потянулись в сторону парка.

Именно в этот момент, со стороны ресторана-гостиницы «Дюшес» на площадь въехала внушительная белая «Волга». Она остановилась боком к главному входу, после чего из неё молодцевато выбрались два молодых человека. Деловито одёрнув одежды, они степенно, размашисто и гордо зашагали через площадь к главному входу, как космонавты к кораблю «Восход». Раздались сдержанные аплодисменты.

– Гляяяя! Под конвоем доставили! – хохоча прокомментировал весёлый прапорщик, – кивнув на полицейскую форму сопровождающего героя участкового. Сержанты поддержали шутку дружным гоготом.

– Посерьёзнее, товарищи! – бросил в их сторону Борис Ефимович. Наряд попритих, продолжая, однако, благодушно улыбаться. Шутка прапора была удачной.

Над площадью вновь покатилось по-муромовски надсадное, скрипучее:

Высока, высока над землёй синевааа
Это мирное небо над Родинооооой!…

Двое: – скромно одетый, крепко сбитый паренёк и ладный, гордый собой полицейский поднимались по широким ступеням к крыльцу Администрации. Навстречу им, отчаянно робея, вышла девушка в юнармейском алом берете украшенном ослепительной кокардой. В руках у неё были красные гвоздики. Параллельно девчонке двигался и Борис Ефимович. Он широко улыбался и держал наготове книгу «Люберчане, герои Великой Отечественной войны».

…Но простые и строгие слышим словааа
Боевым награждается орденом!

Робко косясь на полицейского Легашова, юнармейка в полупоклоне неловко протянула герою букет цветов. Участ-

ковый деликатно отошёл в сторонку, по-отечески, покровительственно глядя на происходящее. Немного подзахмелевший его стараниями Герой, улыбаясь принял букет и с чувством расцеловал, мгновенно зардевшуюся девчонку. На лице наблюдательного Бориса Ефимовича, сквозь лёгкую досаду читалось:

– «Вот проказник! Но ничего не поделаешь – герой есть герой!»

Чиновник мягко отстранил впавшую в ступор красавицу и чинно пожал руку виновнику торжества. Он умело сохранял метровую дистанцию, дабы похмельный виновник торжества не вздумал и его облобызать. – «Хорошо, что репетицию затеяли, а то так греха не оберёшься!» – думал Зельцский. – «Девчонке от силы четырнадцать лет. А сейчас повсеместный разгар борьбы с педофилией! Хорошо что репетиция. Пьёт наша Россия-Матушка, ох и выпивает! Надо будет „юнармейку“ заменить на секретаршу Ваняшина хотя бы. Пусть целует сколько хочет!»

Меж тем, прервав затянувшееся рукопожатие, Борис Ефимович вручил Потехину книгу про героических люберчан.

– Вот теперь и Вы, Александр Сергеевич, в их рядах! – чеканил он. – Полку Героев страны прибыло, так сказать… Очень рад и выражаю… Выражаю твёрдую уверенность, что Звезда Героя нашла достойного… Достойную личность, так сказать. У нас ведь как…. Зря не награждают, верно?!

С тем, что у нас зря не награждают, Сане, находящемуся под хмельком, очень хотелось поспорить, благо в последние годы тандем не служивших в армии президентов-премьеров, раздавал государственные награды с невиданной доселе щедростью.

Однако, проинструктированный «участливым участковым» Саша благодарил сдержанно и с молчаливым достоинством. На поздравителя старался не дышать, хотя и держал за щекой щепоть гвоздики от запаха.

После всех праздничных приветствий Саня с чиновником, уже только вдвоём, проследовали в кабинет последнего, где руководитель ввёл Потехина в курс дела. Через неделю, мол, состоится официальная церемония. Будет лично Глава города, военком района, другие официальные лица. Ожидается и сам Губернатор. Требуется за это время: получить в Кремле награду (не прозевать нужный день и час, иначе, мол, следующее награждение будет только через месяц), не запить, не уехать, не заболеть, купить хороший костюм (звезда героя особенно ярко смотрится на чёрной или тёмно-синей материи). Нужно чуть подправить в биографии свою профессию, род занятий. Хотя бы – с охранника на инкассатора.

– «И это уже пронюхали», – удивлённо думал Санёк. – «Эк, дело поставлено!»

– Так вот! – продолжал чиновник. – Только Инкассатором. – Для романтизма и лучшего восприятия населением.

Не возбраняется поведать публике историю про то, что в детстве мечтал быть похожим на героя (имя, фамилия героя), желательно – из родного города. Его можно взять из книжки про героев-люберчан!

Ну, и так далее, в том же духе. Нормальная лабуда от опытного пропагандиста средней руки. Не Соловьёв-Шапиро, конечно, но тем не менее.

– Вы пришепётываете с детства или это из-за зуба? – наблюдательный Зельцский заметил, что герой щербат.

– Из-за зуба! – чуть смущённо ответил Саня. – С детства-то не было проблем с дикцией. Да и не так уж сильно я пришепётываю.

– Для обычного человека – не сильно, а для Героя Страны, которого будет награждать Президент – сильно! – возразил Зельцский. – Надо будет обязательно в сжатые сроки вставить зуб! Времени на раскачку нет. Всё-таки ожидается приезд Самого! Не говоря уже про Кремль. Скажут – что у вас за Люберчане!? Щербатые все! – констатировал он, многозначительно устремив в потолок указательный палец. – Да и приезд к нам Самого, событие грандиозное!

– Президента, что ли!? – ахнул Саня.

– Ну! Вы хватили! – чиновник снисходительно ухмыльнулся. – Губернатор Московской области обещался быть! Вам мало?

Борис Ефимович достал мобильный и набрал номер.

В ожидании ответа откашлялся и посуровел.

– Здравствуйте, это из Мэрии! – пророкотал Зельцский. – Будьте добры, Изольду Матвеевну! – Тааак. Поняаааатно. Тогда передайте пожалуйста, что звонил Борис Ефимович Зельцский. От НАС подъедет один хороший парень, Герой России. Надо ему в сжатые сроки сделать зуб, запишите пожалуйста! … Да, да! Максимально быстро! В режиме аврала! Ему в Кремль через два дня! С Президентом беседовать и фотографироваться будет, так что сами понимаете! Представляете если улыбнётся широко!? Скажут – что за босяк, в Люберцах медицина хромает, особенно стоматология! Да я понимаю, что это не так, а скажут! Так-так. Ага! Понятно. Нет, ну, в крайнем случае можно потом переделать, ёлки-палки! Да хоть кусок кирпича вставьте. Только белого, а не красного, ха-ха-хааа! Но выступать он должен при зубах! К нам скоро и Губернатор приедет! Скажет – «Ёлы-палы, почему у вас герои без зубов!» Да-да! Это просьба Самого, он держит тему на контроле! Да-да, Самого – Главы города. Спасибо!

Положив трубку, Борис схватил со стола чистый лист и стал торопливо писать. Затем резким движением сунул листок Саньку под нос.

– Вот! По этому адресу прокатитесь сейчас же, не теряя времени. Вам вставят пластмассовый зуб, а метало-керамику ждать долго, не успеем. Потом, на геройские дивиденды переделаете никуда не спеша!

Саша принял листок, прочёл адрес.

– Подъедешь, самое первое – прорвись к заведующей! – рубил кулаком воздух Зельцский. – К Изольде Матвеевне лично, она обеспечит всё остальное. Успехов, дорогой!

При этих словах Зельцский выбрался из за стола, давая понять, что аудиенция героя окончена.

ГЛАВА 4. Куда пойти, куда податься?

Простившись с Брисом Ефимовичем и выйдя на улицу, Саня стал размышлять под каким бы предлогом можно избежать стоматологических мук. Ещё не хватало омрачать такое светлое событие визитом к зубному! Он с детства патологически боялся стоматологов. Вот, бывает же такое, человек не робкого десятка, да ещё боксёр и разведчик, а лечить зубы боится до дрожи. Сама мысль, что во рту его кто-то будет хозяйничать и надсадно жужжать «шайтан-прибором» была невыносима для нашего героя.

Но сколько Санёк не размышлял над вопросом как избежать экзекуции, в голову не лезло ничего путного. Конечно, можно было просто проигнорировать визит, но как объяснить свою неявку, ведь этот «Не Немцов» уже заранее договорился, чёрт бы его побрал! Не объяснять же, что он, новоиспечённый Герой России так боится стоматолога, что мурашки по телу бегут! При одной мысли о белом халате врача-палача – уже бегут-разбегаются! Им то не понять, этим «нормальным людям», что это такое! А ведь это сродни боязни замкнутых пространств или, скажем, страха высоты. Ничего смешного, ничего постыдного и совершенно непреодолимо. Наконец герой решил, что вечер дня мудренее и отложил неприятную дилемму.

Не сегодня! Не сейчас! Тем более, что ему надо осмыслить

своё новое положение, да и обмыть его неплохо бы! Тогда сразу всё покажется легче и яснее. После организованного участковым опохмела Саше стало уже не так плохо, как это было с утра, но очень хотелось, чтобы сделалось ещё лучше.

– Вот где-то, буквально, ещё грамулек 150—200 водочки выпью! – бормотал ошалевший от эмоциональной встряски Санёк. – Чекушечку бы! И всё! И больше ни грамма! Шутка ли – Героя присвоили!

Денег не было совершенно. Пустые карманы. Видно кто-то из собутыльников поживился, – не мог же он пропить десять тысяч! Санёк с туманной надеждой вспоминал не спрятал ли он часть денег в квартире, такое с ним уже случалось. По пъяне он мог засунуть деньги куда подальше с целью не прокутить всё, что есть, а потом и забыть.

– «Вот уроды, всего обнулили! Таких друзей – за яйца и в музей!» – сердито ругался он. – «Весь Праздник испортили.»

И непонятно было где взять хотя бы пару сотен. Вот государство-то! Герой России не имеет на что звание обмыть! Позорище! Правда и мысль о том, что нельзя, ненормально это – за два дня пропивать десятку – тоже Санька посещала, но он гнал её прочь, сейчас самоедство было не к месту!

Бесплатный проезд по социальной карте (как ветерана боевых действий), иногда играл с ним неприятную шутку: зная, что повсюду доберётся и без денег, Саша иной раз, смело спускал, всё до копейки. За что его очень ценили местные

любители выпить. А любовь к выпивке, как водится, сочеталось у них с постоянным отсутствием денег. Выпивший Саня нередко превращался в форменного идиота и щедро одаривал нуждающихся собратьев, за что Николай как-то окрестил его – «Друг всех нищих и калек».

– Это тебе на утро, на опохмел! – говорил Санёк и совал пригорюнившемуся собутыльнику пятисотенную, а то и больше.

Друг всех нищих и калек… Мама очень смеялась над метким прозвищем, хотя это был смех сквозь слёзы.

– Помрёшь пьяный под забором! – пророчила она с надрывом советского педагога. – Нельзя как квёлый лист плыть по течению. И никто спасительной руки не протянет! Алкоголик! И ведь брат – совершенно нормальный, уважаемый человек! Вспомнишь мамины слова – да поздно будет…

Никаким алкоголиком, конечно, Санёк не был, но и трезвенником, увы, тоже.

Постепенно небо нахмурилось, заморосил противный дождик. Ещё не совсем осень, но уже и не лето. Саня Потехин резво вышагивал в сторону дома, ловко переставляя длинные тренированные ноги через мутные лужицы.

Внезапно его осенило: надо ехать к маме! Во-первых, обрадовать, а во-вторых она всё и устроит и стол накроет и денежек призаймёт. При мысли как он, «непутёвый», сообщит матери, о том, что стал Героем России сладко потеплело под ложечкой и даже защекотало в носоглотке. Он шагал по ули-

це и прикидывал как лучше «и покрасивше» сформулировать происшедшее событие.

– Да, пусть самого события-то ещё не произошло, но вопрос уже решённый, иначе бы в мэрии так не «вскипешились»! Тут сомнений быть не может! Во вторник же в Кремль! С похмела ему в это и верилось, и не верилось. Он даже, как это не смешно – пару раз вытаращил глаза и хлопнул себя по макушке, опасаясь, что сейчас проснётся. Нет, он не спал, колесо Фортуны наконец-то завертелось в нужном направлении. Тогда – вперёд! К маме!

Но тут Саня вспомнил, что нежданно-негаданно, с месяц назад, у матери завёлся загадочный друг. Да ещё лет на десять помоложе её. Ну, завёлся и завёлся, с кем не бывает! Женщина ещё не старая. Вот, только такой тип людей, как её новоявленный приятель, Саша воспринимал через силу. Мало того, что «мамино счастье» звали Викентий Витольдович, так он ещё слегка картавил, укладывал длинные, с проседью волосы в хвост и был при куцей «бородке оппозиционера»! Словом – являл собой карикатуру на интеллигенцию эпохи перестройки. К тому же ему почему-то понадобилось вселиться в мамину квартиру, не жилось им поврозь. – «Впрочем, днём этот мачо – скорее всего на работе» – размышлял Санёк, сбавив, однако, темп ходьбы. – «А может и не будет».

Вообще-то куда круче было неожиданно заявиться к маме в костюме с золотой звездой на лацкане! То-то она поразилась бы! И чтобы у неё в этот момент гостило семейство

«путёвого братца» Коли. Пусть порадуются за «непутёвого»! Непутёвый, мля… Ивана Бровкина нашли, ни дать, ни взять!

Саня бодро вышагивал, мечтая о том, как теперь изменится его жизнь и тут вспомнил, что Зельцский настоятельно рекомендовал ему пригласить на торжество в мэрию всех родных, близких и друзей. Для массовости, так сказать, и пущего шику. Так что фокус с нежданным появлением при геройской звезде придётся отменить. А сегодня надо просто всех оповестить, предварительно, конечно, подкрепив здоровье! Только не увлекаться!

Процесс оповещения близких, Александр решил начать с брата. К его досаде денег на телефоне не оказалось, возможен был только звонок «за счёт абонента». Саня знал, что Николай не любил подобные звонки. И не из-за жлобства какого-то, – нет, он не был слишком жадным, но такие сигналы напоминали ему о бедственном положении бестолкового братца. Это расстраивало его, «легко ранимого». Коля, конечно, мог бы и помогать ему немного, но… с какой стати!? Николай был болезненно справедливым: мол, – руки, ноги, голова на месте, зарабатывай сам! А у меня – семья, ребёнок. Примерно так рассуждал «старший брат» и надо признать, не без оснований. Старший и есть старший. Тем более на целых 15 минут! Но Саня всё-таки позвонил. Наконец пошёл перезвон от брата. Санёк нажал на нужную кнопочку и услышал до боли знакомый «нудёж».

– Алоооо…. Что нового стряслось с ночи? – раздалось

в трубке.

Накануне, поздно вечером, выпивший Саня доставал сонного Николая телефонными звонками, философствовал и вспоминал детство, пока жена брата не выхватила из рук и не отключила тому телефон.

– Есть кое-что новое! – возвестил Александр, сияя, содрогаясь от предвкушений. – Меня наградили званием Героя России! Ещё позавчера Президент подписал. Сегодня, с утра, уже в мэрии побывал. За мной даже машину высылали. «Волгу»!

– Ты достал, уже пустобол! – сердито забубнил Николай, что-то жуя и давясь, – видимо обедал. – В магазине ты с утра уже побывал! У меня семья, мы кушаем! Прекращай бухать, пропадёшь!

– Дай я ему скажу! Дай мне! (было слышно – как жена брата Людка пытается забрать трубку). После непродолжительной борьбы, она завладела телефоном и прокричала: – Саша! Ты нам спать нормально не давал, дай нормально пообедать! Если ты человек!

После чего в мембране послышались короткие гудки. Стало ясно, что встреча с братом, по крайней мере – на сегодня, отпадает.

– Да ради Бога! Ешьте на здоровье. Хоть обожритесь там! – с досадой бормотал Санёк. – Я всё это потом учту!

Однако, полковника Василевского он пока зарёкся беспокоить – «до своего полного выздоровления».

Затем Санёк тяжело вздохнул и стал набирать вчерашнего собутыльника Ваську. Васька не брал трубку.

– Да чёрт бы вас всех побрал! – выругался Саня и сунул телефон в карман. – Когда не надо, все на телефоне, а когда надо – никого не найдёшь! Звонить своей милой Кате, ему не хотелось, вчера она в сердцах прочла ему целую лекцию по поводу и алкоголизма и курения и «непутёвости» (чёрт бы их всех побрал с этой «непутёвостью»!) Сама Катька, почти не пила и недавно бросила курить, что дополнительно усложнило их отношения. Теперь курение любимого бесило её вдвойне. Курить Саня начал в армии, бросал несколько раз, но все потуги кончались тем, что он срывался и начинал курить пуще прежнего! Бессмысленная мука – бросать курить. Хотя, при чём там курение? Если бы не досадный постельный облом, вызванный идиотскими звонками и стуками в дверь, всё бы пошло в масть – и курение и выпивка!

– Жаль отец погиб! – думал Саня. – Ему бы позвонить! Он офицер! Оценил бы. Рано погиб и глупо.

Папа братьев Потехиных был кадровым военным. По технической части служил. Дважды побывал в командировках в Афганистан. В длительных командировках! Во второй раз мог и не ехать, к этому времени близнецы уже родились, жена чуть не насильно пыталась удержать его от поездки, были у неё дурные предчувствия. Но Потехин-старший лишь отмахивался.

– Раз побывал! Судьба тебя пронесла, так не лезь снова! –

голосила жена.

– Майя! – подмигивал он браво. – Запомни, сколь на роду человеку написано, столько и проживёт!

– Однако и бережёного Бог бережёт! – не сдавалась супруга.

– Ну, вот, посмотрим кто из нас прав окажется! – ёрничал офицер. – Правда, если меня там – ТОГО, то ты уже не сможешь мужа припереть аргументами!

– Ты о детях не думаешь! – кричала жена. Ей было не до шуток.

– Я как раз о них и ду-ма-ю! – возражал тот в запале. – После возвращения, глядишь, на повышение пойду, квартиру хорошую дождёмся наконец. Чеков привезу, сейчас курс – один к четырём! Машинку обновим! Эээх, Майка! Под лежачий камень вода не течёт!

Отец предсказал всё правильно. Провидец! В Афгане его сразу назначили замполотехом полка! Это молодого капитана-то! Вскоре стал майором. В атаки не ходил, но рисковал неоднократно. Вернулся с редким и уважаемым в войсках орденом – «За службу Родине в Вооружённых Силах» третьей степени и с медалью «За Боевые Заслуги». Для офицера-техника – вполне достойно!

Отец, как и обещал, привёз кучу чеков, которые потом обменял по хорошему курсу, а вскоре продав их старенький «Москвич – 412», взял с рук вполне приличную «Шестёрку».

И всё это очень своевременно. Через пару лет «Курс рыночных реформ» Плохиша-Гайдара наповал убил сбережения советских граждан! Можно сказать, майор Потехин своевременно избавился от денег! А вскоре подоспела и просторная трёхкомнатная квартира, причём поначалу речь шла о «двушке». Но умение молодого предприимчивого офицера отремонтировать любой автомобиль (в те поры очень полезное и нужное дело), помогло превратить двушку в трёшку, благо генеральские автомобили, тогда ещё не были «Мерседесами» и тоже ломались.

Но неисповедимы пути господни! Не успели справить новоселье, как отец погиб. На совершенно пустой трассе, ранним утром съехал в кювет и врезался в дерево.

– Как чувствовал, что жизни почти не осталось, жилы рвал, всё успел для семьи добыть! – причитала на похоронах соседка, мамина подруга, промакивая глаза платочком.

– От судьбы не уйдёшь, говорил! – печально вторила мама, заторможено глядя в одну точку. – Как в воду глядел.

На похоронах Майя Георгиевна немного переборщила с успокоительными, но зато держалась тихо и без истерик. Да и сыновья были рядом, обнимали, поддерживали. Хоть и дети, а теперь – за мужиков в доме!

Конечно, будь жив отец, вся жизнь Сани Потехина наверняка сложилась бы не в пример лучше. Батя был мужик хваткий, в духе времени собирался открыть авторемонтную мастерскую, планировал вскоре на пенсию подаваться и начи-

нать новую жизнь. Но… Сложилось как сложилось и лихие девяностые потерявшая кормильца семья пережила непросто.

А сейчас Саня вспомнил отца потому, что знал: будь тот жив, не было бы дилеммы кого оповестить первым о столь знаменательном событии в его жизни. Отца Сашка всегда любил больше чем маму.

– «Приду домой, найду визитку Василевского и ему позвоню! Мне уже немного получше. И про Героя обговорим! – думал Александр на подходе. – Странно, что он сам не звонит!»

Сергей Александрович Василевский – был высокопоставленный офицер ФСО, Санин старший друг и покровитель. Когда-то Потехин служил под его началом в разведвзводе и даже спас того в боевой обстановке. Уважая нынешний высокий ранг Сергея Александровича, Саня не внёс офицера в список абонентов, так как под градусом имел дурную привычку звонить людям в любое время дня и ночи. Портить отношения с полковником ФСО Сергеем Александровичем Василевским было бы верхом глупости. Санёк помнил, что в нижнем ящике комода покоилась его визитка, – когда Надо можно позвонить, а вот заносить его телефонный номер в череду многочисленных «Витьков», «Пышных» и «Леших» не стоило.

Глава 5. Ушат холодной ЖКХ

Едва зайдя в подъезд, подходя к своей двери, Санёк увидел на лестничной клетке нехорошую компанию. Нет, это были не бомжи и не пьяницы. Хуже! Это были «официальные тёти». Таких за версту видно! С казённой папкой в руках, с казённой же физией и в полной боевой готовности карать! А в ответ на все оправдания – сурово и казённо разговаривать. Это было ясно написано на их «мелкочиновных» физиономиях. Как говорил Маяковский: «С наганом в руке и с Лениным в башке»! Такие, бывает, – ещё не заговорили, но уже излучают готовность сурово наказывать.

Первой мыслью находчивого разведчика Потехина, было пройти мимо них с посторонним выражением лица и подняться этажами выше.

– Комиссия «Монолита»! Вы жилец четвёртой квартиры! – не то спросила, а не то констатировала та, что была с виду попротивней.

– «По глазам, что ли угадала?» – зло подумал Александр и нехотя полез за ключами. Разоблачили. А вслух сказал: – Ну я! И что дальше?

Можно было, конечно и повежливее, всё-таки он давно не платил грабительский «взнос в ЖКХ», но его бесило осознание несуразности сложившегося в Самой Системе положения, при котором ты можешь не иметь работы, не иметь

и вовсе никаких источников дохода, можешь лежать со сломанной ногой, голодный и без средств, но это почему то, никого в конторе не волнует! Платить ЖКХ ты обязан даже мёртвый, если твоя кончина официально не зарегистрирована. Не говоря уже о скользкой теме полной несуразности требуемых к оплате сумм.

В минувшем году, ещё до знаменательной встречи с благодетелем Василевским, Саня длительное время сидел без работы, естественно скопился немалый долг. Ведь и до того ещё он платил не всегда, мало зарабатывал… В тот период социологи ввели у нас в стране понятие вызвавшее в Европе полное недоумение – «Работающие Нищие». У тех-то не было даже Не работающих нищих. Санёк, похоже, был из тех самых – нищих работающих!

– Выселять будем! – неожиданно привзвизгнула та, что была попротивней.

– Нельзя же так, совсем не платите! – добавила менее неприятная.

Сперва Саша по инерции состроил «осознавшее» выражение лица, но взглянув в неколебимые физиономии «сборщиц налогов», и вспомнив о своём новом статусе, он решил сменить тактику. Придав лицу выражение «утомлённой заботами деловитости», он решил атаковать.

– Значит, слушайте! – задушевно проронил он. – Никуда вы меня не выселите. Вчера Президент подписал указ о присвоении мне… МНЕ! – в его голосе зазвенел похмельный

металл. – Звания Героя Российской Федерации! В будущую субботу, в здании Администрации города Люберцы состоится официальная церемония чествования. Меня любимого! Кстати, приглашаю – в 11.00. Будет Глава Администрации и товарищи из Москвы и области! – чеканил Александр. – Приходите обязательно. Вам всё равно дома по субботам не сидится! – усмехнулся он и в довершении тирады, нагло подмигнул опешившим дамам.

– Так что, – раз Вы герой, то и платить коммуналку не надо!? – спросила Противная, сбавив, однако, тон и демонстрируя необычайную способность «менять угол атаки». – Знаете сколько у нас таких…

– Та – ких как я не – ту! – важно резюмировал Саня и решительно потеснив «сборщиц» защёлкал в замке ключом.

– И нам сидится по субботам дома, но, вот, приходится несознательный контингент обходить! – с надрывом добавила менее противная. – Думаете это такая радость нам?

– И у нас все равны перед законом, – снова активизировалась Противная, но Саня уже приоткрывший дверь, снова перешёл в контратаку:

– А, вот, вы попытайтесь меня, Героя России, которого только что Глава района обнимал, выселить! И увидите все ли у нас равны перед законом! Выговором не отделаетесь!

У него закончился-таки «запас топлива», очень хотелось добавить ещё, и сейчас он был «голоден, холоден и готов

к борьбе».

– Платить всё равно придётся! – сообщила противная, как бы подводя черту.

Надо сказать, обе дамы несколько опешили от дерзости должника и собирались с силами на достойную «ничейную концовку поединка». Наш чиновник устроен так, что, сталкиваясь с ответным хамством, несколько смирнеет, как-то теряется, почувствовав в наглеце родственную душу.

Между тем, Потехин, который уже зашёл в коридор, извлёк из кармана гербовую визитку Зельцского и повертев перед носом Противной, томно выдохнул: – Главному звонить не будем! Он сейчас на даче. Заместителю, Борису Ефимовичу позвонить? Он вам всё объяснит.

– Что он объяснит! – фальшиво возмутилась Противная, пятясь прочь от двери. – Мы для себя что ль деньги собираем! Для Них и собираем! Они…

Тут её мягко ткнула в бок менее противная и, видимо, более умная напарница. – Да, что ему объяснять, сам не маленький, поймёт! – сказала она почти ласково.

Дамы с достоинством отступили, бормоча про то, что перед законом все равны и платить надо всем и в срок. Проследовав этажом выше, они вцепились в Саниного соседа-должника. Судя по визгливым возгласам со второго этажа, тому досталось и «за себя и за того парня». Некоторое время «тот парень» ухмылялся, слушая коммунальный концерт

по заявкам, но вскоре отлип от двери и стал прикидывать где взять хотя бы тысячу рублей. На праздник души и пополнение телефонного счёта. Надо было собраться с мыслями и срочно дозвониться Василевскому. Поблагодарить, разделить с бывшим командиром радость и, заодно продемонстрировать своё трезвое состояние.

ГЛАВА 6. Засада у высоты 217.0

Шла, так называемая, «Вторая чеченская». Велась она разухабисто и под победные ТВ-фанфары! Не то, что «Первая чеченская». Которая, как известно, была «преступной, никому не нужной и где «наших необученных «солдатиков» (слово – Солдаты было специально вымарано в СМИ) бросили под героических бородачей-повстанцев».

Пока «путёвый» Николай грыз гранит исторической науки, нашего, покинувшего стены ВУЗа, Санька забрили в армию. Поначалу ему повезло, он был призван в спортроту. Худо-бедно, а первый спортивный разряд по боксу у него был. Как областной призёр по юниорам, Санёк подавал надежды и планировал за время службы выполнить норматив как минимум кандидата в мастера спорта. Спортивно-армейские будни потекли своим чередом, впереди была присяга и официальное зачисление в армейскую команду.

Однако ещё до принятия присяги, будущий Герой ухитрился попасть на гауптвахту отмутузив двух «дедов» тяжелоатлетов. Это случилось неожиданно, спонтанно, когда те пытались отжать у него «в общак, чисто по пацански» немного денег и сигареты. Он бы, может и дал, да у него не было и пришлось непонятливым дедам бить морды.

И ничего бы, возможно, страшного не случилось, если бы при этом он не сломал одному из богатырей челюсть. Пере-

лом был осложнён смещением и, увы, дело получило огласку, приняло очень неприятный оборот. Это вполне могло кончиться дисбатом, а то и реальным сроком, но тут уж повезло всем сразу. Повезло в том, что спортивный руководитель команды, майор Железняков оказался умным человеком. Да – бывает и такое в среде офицеров-начфизов!

А как человек умный, начальник спортроты смекнул, что и потерпевшим запросто могут пришить грабёж, а ему – то, что развёл в подразделении «бандитскую малину»; разжаловать, а то и «сорвать погоны». В итоге особист части был задобрен неслыханным по тем, не жирным временам подношением (красная икра от друга-коллеги с Дальнего Востока), а «битые морды» наглухо стояли на том, что это был тренировочный спарринг. Не сознаваться же им, про то, что требовали Потехина «поделиться».

Ну, а рядовой боец спортивной роты Александр Потехин был «сослан на Кавказ, под пули горцев», совсем как его любимый поэт Лермонтов. Благо – незадолго до этих событий, там снова заполыхало.

По совету замполита роты, Александр написал рапорт о желании «бить террористов», отстаивать независимость и территориальную целостность России. Напирая на свою отменную спортивную подготовку парень так же просил зачислить его в спецназ.

После убытия рядового Потехина во Владикавказ, на учебный пункт и тихого рассасывания скверной истории,

постаревший лет на пять начфиз майор Железняков, на радостях целый месяц проставлялся офицерам части, причём закусывали они оставшейся от дальневосточного подарка красной икрой.

Одним словом – отмечали событие с размахом. Приятели-офицеры обнимали Железнякова, хлопали по плечу и поднимали халявные заздравные. А когда и они устали пить, могучий начфиз продолжал проставляться самому себе. Он всё не мог поверить, что опасность, грозившая чуть ли не «снятием погон по-волчьи», миновала. Майор отмечал и отмечал своё «второе офицерское рождение» и дома и на работе. Вскоре запивший начфиз опустился до плавленых сырков и палёной водки. В итоге, однажды он допился до белой горячки, «попутал все рамсы» и применил воздействие силой в отношении начальника штаба части. Наказание было незамедлительным и суровым. За это безобразие майору «раздробили звезду», то есть разжаловали в капитаны, и отправили на принудительное лечение с последующим увольнением без права ношения военной формы. Пенсию капитанскую всё же оформили, и то, только по протекции начфиза округа, который, по старой памяти, пожалел исполнительного беднягу.

Долго ещё приходил, уже, «по гражданке» уволенный начфиз Железняков, вечерами, к воротам части. Бедняга предлагал «проставиться за пенсию» своим бывшим сослуживцам, расходящимся после службы по домам. Многие пона-

чалу соглашались выпить на халяву (очень им хотелось послушать «как там в дурке лежат», но потом кто-то стукнул об этом начальнику штаба и желающих делить с Железняковым компанию не стало вовсе. Да и надоело это всё. Дело в том, что каждая выпивка начиналась и заканчивалась одинаково: разлив пойло по стаканам, отставник ерошил волосы, таращил в пространство налитые глаза и восклицал:

– Нет, ну ты скажи мне, что это не судьба! Кому написано на роду плохо вылететь из армии, тот плохо и вылетит! – вещал он, убедительно икая. – Ведь с отморозком то Потехиным я полностью отмазался! Пол – ность – юууу! Да ещё и всех остальных отмазал! А ведь и присесть могли! Такое ЧП было! Проскочили же. А через месяц – снова-здорова! Неееет…. Что на роду написано – то и будет!

Во Владикавказе Саня особо не задержался. Долго ли подготовить элитного солдата из хорошего спортсмена-единоборца! Стрельба давалась ему легко, а остальные ратные премудрости – тем более. Сдав на отлично теоретический экзамен по «СТВР» (Служба и тактика войсковой разведки), он был распределён в отдельную роту ГРУ, отправляющуюся прямиком в мятежную Чечню.

Тот, ставший судьбоносным день, в последствии, Саня вспоминать не любил, гнал от себя лишние думки. От подобных воспоминаний, его иногда, поколачивал озноб, а на душе становилось как-то неуютно. Но сегодня, в такой знаме-

нательный день известия о присвоении ему звания Героя, он просто не мог Этого не вспоминать. Раздобыв-таки у знакомой продавщицы водки в долг, он сходу опрокинул с полстакана и, не закусывая, предался ностальгии.

Накануне события их разведгруппа готовилась на выход. Задачей было скрытно выдвинуться к высоте 217.0. Разведать окружающую обстановку и закрепившись на месте, ожидать новых указаний. По предварительным данным боевиков в том районе не было. Накануне выхода, Саня слёг с приступом колик живота. Все грешили на еду которую купили у местных жителей на рынке Урус-Мартана. Дед торговавший кровяной колбасой сразу как-то не понравился бойцам. Смотрел из-под седых бровей колюче, жёстко. Казалось он пытается скрыть ненависть и всё равно – не может. Позже выяснилось, что у него в первую чеченскую сын погиб.

Непонятно было только почему с животом слег один Саня. Ели то колбасу многие. Сошлись на том, что старик, опасаясь, что потом с ним расквитаются, подтравил лишь часть снеди. Иди, доказывай, что она отравлена была, если у большинства бойцов нет проблем. А дедушке – радость. Отравил хоть одного кровника, можно помирать спокойно.

А может и ерунда – это всё… Мания преследования. Мало ли от чего живот может скрутить? – От неприятия воды местной, например. Или от нервов.

И вдруг Саня понял, что во взглядах разведчиков не толь-

ко сочувствие. Что-то и «лишнее» в них читалось. Неужели недоверие? Кто-то может подумать, что он симулирует, чтобы не идти в опасный рейд?! Весь день Саня хлебал «марганцевый компот», блевал, снова пил, снова блевал… Потом принял аспирин и заснул заполночь обессиленный. Забылся хорошим, крепким сном, буквально провалился в него.

А поутру полувзвод разведчиков во главе с лейтенантом Василевским, выступил в дозор. Саня шёл в головной группе. Его немного покачивало, в теле ощущалась некоторая вялость, полностью он явно не оправился, но молодость брала своё, а в голове засела присказка командира взвода: «Разведчик должен быть во-всём безупречен и вне подозрений. Как жена Цезаря». Глаза товарищей теперь смотрели по-другому: «Молодец Потеха! Настоящий «разведОс»!

Полувзвод выдвинулся на задание не так чтоб очень рано – в шесть утра. Мягкие, привычные ногам кроссовки позволяли бойцам двигаться достаточно быстро и почти бесшумно. Правда – поклажи было многовато, из расчёта трёх дней. До точки маршрута планировали добраться к полудню. Не то, чтобы до конечной точки маршрута было так далеко, просто двигаться приходилось очень осторожно и, соответственно, медленно. Вопреки правилам, молодой офицер – лейтенант Василевский шёл впереди всей группы. По правде говоря, он просто никому не решился доверить это ответственное дело. Неписанное правило: если хочешь, чтобы ис-

полнено было хорошо, – сделай сам, было и его правилом.

Так и двигались бойцы, прислушиваясь к лесным шорохам и осматриваясь по сторонам. Чужой был этот лес, нехороший! Периодически лейтенант поднимал руку в знак приостановки движения и тут же солдаты замирали на месте, будто в давней игре советских детишек: – «Море волнуется, раз!». Затем, осмотревшись и вслушавшись в тишину леса, командир убеждался… нет, не убеждался, а полагал с большой долей вероятности, что опасности нет. И подавал сигнал на дальнейшее передвижение. Долго ли, коротко ли, приближалась конечная цель их маршрута. В воинах всё больше зрела надежда на то, что задачу они выполнят без лишних приключений.

Однако едва «разведОсы» приблизились к основанию означенной цели, ещё даже не вполне вышли из лесополосы, как по бойцам, откуда-то сверху, влупили из стрелкового оружия. И тут же, через пару секунд следом ухнул гранатомёт. По видимости «чехи» как-то прознали заранее о рейде разведчиков и приготовили скверный сюрприз. С ночи боевики заняли позиции на возвышенности, умело маскируясь в зелёнке, чему способствовали многочисленные кустарники усеявшие склоны высоты.

Командир группы сразу понял, что нужно спасать людей и отходить, основной план разведки уже провален. Тогда лейтенант Василевский, дал бойцам команду на отход, а сам залёг неподалёку от рядового Матюшина, сражённого в пер-

вые же секунды стрельбы. Неясно было убит он или ранен, но бросать его командир не мог, не принято так в разведке! Бойцы быстро выполнили приказ на отход и только рядовой Саня Потехин, совершив небольшой обходной манёвр, занял позицию левее и чуть в стороне от высоты 217.0. Отсюда разведчику хорошо был виден весь склон, чеченская засада оказалась к нему как-бы боком. На такой позиции он легко мог пресечь их попытку спуститься и взять лейтенанта и раненного (?) Матюшина. Выражаясь языком пограничников: Потехе удалось занять позицию, с которой он видел всё, а его не видел никто. Нельзя было только стрелять очередями, это с большей долей вероятности могло демаскировать его удачное расположение. Установив автомат на стрельбу одиночными выстрелами, Саня быстро сориентировался. В зоне видимости три-четыре боевика. А где остальные? За холмом? Или их и нет вовсе? Раздумывать было некогда. Первым выстрелом он снял чеченского пулемётчика. Тот ткнулся лицом в разножку РПК и затих. – И чего они таскают по горам эти РПК!? – нервно шептал Санёк, вновь прицеливаясь, – Убойная как у автомата… Ну, чуть посильнее… А возни вагон! Тяжесть такая! – бормотал он, снова нажимая спусковой крючок.

Едва слышный хлопок одиночного выстрела совпал с падением со склона чеченского гранатомётчика, который успел жахнуть всего раза два, правда при втором выстреле осколками гранаты зацепило Василевского и, видимо, добило ле-

жавшего на открытом пространстве Матюшина, – видно было как от близкого разрыва колыхнулось его тело. Тем временем лейтенант уже понял, что принцип «у страха глаза велики» сработал против него, – «чехов» явно было не более пяти. Может и меньше. Во всяком случае тех, что вступили в огневой контакт было не более пяти. Это малая группа, – возможно их арьергард. А может и просто боевая минигруппа. Во вторую чеченскую такие «подразделения» стали появляться как грибы. Сплотятся три-четыре приятеля и ходят как абреки в рейды по душу «федералов», никто им не указ.

Офицер быстро понял, что зря дал бойцам команду на отход, боевиков можно было окружить и даже взять живыми, полувзвод разведчиков мог гарантированно с этим справиться. А теперь он, раненный лежал рядом с убитым Матюшиным и не чаял выберется ли живым. Потехина лейтенант не видел, но видел – как кто-то завалил гранатомётчика и тем самым спас ему, Василевскому, жизнь. Третья граната несомненно прикончила бы и его.

Тем временем Санёк срисовал чеченского автоматчика, который, едва убили его товарищей, быстро и наглухо залёг в кустах. Притих. Василевского с Матюшиным «чех» видел, но не понимал откуда бьёт «снайпер». Приподнявшись спустя минуту, чеченец завертел головой по сторонам, одновременно примериваясь к позиции раненного Василевского.

«Не надо в бою вертеть головой»! – подумал Санёк, прицеливаясь. Первым же выстрелом разведчик попал «абреку»

чуть ниже каски, в шею и видел, как тот задёргался и неестественно запрокинувшись, вскоре сник. Посечённый осколками, лейтенант тем временем отползал в глубь леса – уже было ясно, что Матюшин убит. А тело бойца можно будет забрать и потом, когда придёт подкрепление.

После того как Потеха нейтрализовал «чехов» способных поражать огнём Василевского, он заподозрил, что остальные (предполагаемые) боевики попытаются спустившись вниз, с противоположной стороны высоты, выйти на лейтенанта и взять его живым. Как выяснилось впоследствии из рассказа пленного «языка», увидев, что трое их товарищей уничтожены, чехи подумали, что высотку пристреляли снайперы и надо менять дислокацию, спасаться, а потом, если повезёт, забрать тела убитых соплеменников. А уцелевших, и оставалось-то всего двое из пятерых.

Сохраняя бдительность и готовность в любой момент отразить нападение врага, Саня, пригнувшись, в несколько рывков перебежал к позиции лейтенанта. После каждого такого броска он останавливался, припав на одно колено, затихал и всматривался в покрытый мелким кустарником склон высоты. Тишина! Добравшись до уже прилично отползшего с прежней позиции лейтенанта, Саня сходу оценил ситуацию. Пулевых ранений вроде не было – уже легче, очевидно офицера посекло лишь осколками гранаты. Из левого бедра обильно лилась кровь, похоже и кость была задета. Наплевав на все правила оказания первой доврачебной помощи, Алек-

сандр прихватил командира под мышки и остервенело потащил по земле в чащу леса, прочь от простреливаемой опушки. Затем осторожно взял на плечо и припустил в глубь леса.

– «В чащу! А там разберёмся!» – стучало в голове. – «Если даже преследовать будут, я им не завидую. Да и ребята наверняка неподалёку, не могли же они совсем уйти! И чего он им дал команду на отход!? – Наберут лейтенантов по объявлению!» – нервно путался в мыслях Потехин. – «Ничего! Если бойцы и ушли, то вернутся, буде вновь перестрелка завяжется!»

Вдруг шагах в десяти за спиной захрустели ветки. У Са-

ни внутри вмиг похолодело. Мягко положив лейтенанта, он резко рванулся в сторону, перевернулся на спину и застыл в положение полусидя, одновременно наведя автомат.

– Всё нормально! Это Потеха с командиром! – услышал он приглушённый голос.

ГЛАВА 7. Семья Потехиных

Майя Георгиевна, мама нашего героя, была не высокой, изящной, хорошо сохранившейся на шестом десятке лет дамой. На вид никак не старше пятидесяти годков. После прощания с трагически погибшим мужем, отцом её двух сыновей-близнецов, прошло немало времени и казалось, она уже вряд ли выйдет замуж вновь. Да она, по правде сказать – и не особо горела желанием.

ОН – гуманитарий и антиквар, её новый друг – импозантный и обходительный, возник в её жизни как-то спонтанно. Познакомились они на одном из муниципальных мероприятий. Что-то вроде Дня Славянской Письменности. Гость праздника Скуратов примостил там обширный стенд собственных картин. Или полотен – как он их величал. Впоследствии Саня окрестил его творчество коротко и остроумно: «Мазня, за которой как бы что-то кроется».

Звали нового друга тоже своеобразно – Викентий Витольдович. Но даже и это, помимо его странных полотен, понравилось «утончённой» Майе Георгиевне.

Викентий Витольдович Скуратов! Звучит! Веет седой благородной древностью, благородными же отношениями… и даже сине-красным дворянским гербом, без короны конечно.

Длинные языки утверждали, что женой нашего «идаль-

го», была дочь бывшего Генерального Прокурора России Юрия Скуратова, чью фамилию он и взял при бракосочетании. И это тоже ему было в жилу, характеризовало Викентия как человека серьёзного и «весомого». Мужчина не подтверждал и не опровергал эти слухи, лишь глубокомысленно усмехался, если возникали подобные разговоры. Усмехаться в свою «чеховскую бородку» он умел эффектно и загадочно. При его работе в собственном букинистическом магазине, куда нередко заглядывали «обнищавшие дворяне», чтобы что-то продать и сытые нувориши, – чтобы купить – это умение было не лишним.

– С такой чеховской внешностью и языкастостью – самому писать надо! – язвили мамины друзья-коллеги, узнав, что тот занимается антикварными книгами. «Завидуют, – думала мать, – что же сами не пишете, умники!» А вслух, эдак небрежно отвечала: – «А он и пишет. Живописные полотна».

Был ли антиквар зятем знаменитого Генпрокурора, прославившегося тем, что «послал подальше» самого Ельцина возжелавшего его уволить в обход Конституции, вопрос не главный. Ясно было только то, что никаких особых барышей ему этот брак (если он и был) не принёс. Опять же, по слухам, при разделе семейного имущества, его мягко, но твёрдо попросили просто исчезнуть, не затевая лишних каверз и судебных хлопот. Учитывая, что женился Викентий по любви и был к моменту бракосочетания гол как сокОл, на волю его отпустили таким же голым. Что поделать, бра-

косочетание с людьми из сословия «Непростых» имеет свои издержки.

Долго! – Долго юродствовал потом в тесных кругах Викентий:

– «Ну, как, де, можно было поставить на Руси главным блюстителем Закона, персонажа по фамилии Ску-ра-тов!!! Второй Малюта, чёрт его дери, только, что не рыжий! – горько усмехался он. – Удивляюсь – как я при разводе жив остался! Могли ведь просто убрать!»

Можно честно признать, что единственное, что досталось ему от многолетнего семейного мытарства, это громкая фамилия и понимание, что её можно и нужно конвертировать в доходы! А взял фамилию супруги он, не только из прямой корысти. Викентий давно хотел избавиться от своей неблагозвучной – Ляпис. Однако на излёте отношений с супругой, будущий бомж исхитрился втихаря открыть «ИП Скуратов» базирующийся в «сталинском» московском доме, в помещении цокольного этажа. Где благополучно и занялся антиквариатом.

Он в те поры приезжал к нужным людям решать вопросы на «Крузере» жены, а чиновники уверенные, что товарищ Скуратов – родственник всесильного Генпрокурора, всё оформили честь по чести, и за малую награду. А впоследствии, к слову, проверками не мучали, даже когда Юрия Скуратова уже сняли. Ведь Всесильные Генпрокуроры, даже покидая высокий пост превращаются в Многосильных от-

ставников. Отставников с большущей Телефонной Книгой, которая хотя и «уменьшается в размерах» при выходе в отставку, но остаётся весьма увесистой.

Итак, на выходе: для своего «ИП» Викентий Витольдович успел арендовать на сорок девять лет, небольшое цокольное помещение, где разместил торговлю предметами старины – иконами, книгами, документами и прочими древностями. Как у всех мужчин в последнем крике молодости, было у него несколько молодых и относительно молодых знакомиц, назовём их так. И всё было при них, но у всех имелся и существенный недостаток – отсутствие полноценной собственной жилплощади. В том смысле, чтобы безо всяких там мам-пап! Староват был Викентий – жить рядом с чужими мамами-папами. Естественно, в глазах «безлошадного Викентия» это было серьёзным минусом и встречать благородную старость непонятно где он не хотел. Собственные же доходы позволяли ему хорошо питаться, одеваться, купить, наконец, «Опель» средней паршивости, но о приличной, отдельной квартире в столице или хотя бы в ближнем Подмосковье, даже мечтать не приходилось. Не долго думая, он оборудовал спальное место в собственном магазинчике. Устраивая там рандеву, он степенно объяснял молодым дивам: – «А, тут у нас спальное место охранника!» О том, что охранником был он сам история умалчивала.

Вот тут-то, очень кстати и подвернулось знакомство с привлекательной особой, – Майей Георгиевной Потехиной. Де-

ти у неё уже взрослые, живут отдельно, а у «вполне ещё себе женщины» не только трёшка в престижном районе Люберец, но и вполне приличная дача в элитном подмосковном посёлке Кратово. Да, – пусть деревянная, нуждающаяся в ремонте, но своя дача – мечта любого творческого человека, тем более художника! Рядом лес и пруд – сказка! Правда, иногда тут собирались и дети, но «то не великая потеря» как сказано у классика. Ибо, дети вскоре разъезжались и в доме вновь воцарялся покой и комфорт, а на веранде – чай с баранками и музыка Вивальди. К тому же Скуратов, во глубине ушлой души, сразу задался целью эту замечательную дачу со временем, не спеша продать. А на вырученные деньги – «модернизировать» свой антикварный магазин. Заведению не хватало лоска, а в первую очередь хорошего ремонта.

Викентий Витольдович сходу подобрал ключ к сердцу Майи, учительницы литературы. Он подарил ей двухтомник Гоголя в старинном переплёте с особым тиснением (это когда обложка носит выпуклый портрет писателя или сюжета из его произведения). Потрясённая Майя Георгиевна гладила книги ладонью и пребывала в слезливом восторге. Так и читала их потом, со всеми ятями ерями и прочими нюансами старинного правописания! Была для неё, филолога, в этих книгах какая-то магия, волшебство. А хитрый Викентий стал вмиг чародеем.

Любую даму, в особенности изысканную или считающую себя таковою, важно чем-то приятно удивить. Что там ка-

кие-то тортики или пышные букеты по сравнению с таким подарком! К тому же Викентий, не моргнув глазом соврал, что сей двухтомник – из библиотеки обедневших князей Куракиных, чьи потомки эмигрировали давеча за границу. А старинные книги, мол, им вывозить из страны запретили. На вопрос о цене, которую Викентий выложил за них, он скромно ответил, что пусть, де, это останется тайной, предоставив Майе Георгиевне самой домыслить величину суммы затрат. В силу её богатого творческого воображения. Женщинам никогда не надо мешать домысливать! Если Вы ей симпатичны, она домыслит о вас такое, что идеал всех советских дам – Отто фон Штирлиц, или, бери выше – Слесарь-Золотые руки Гоша, он же Гога – просто оба отдыхают!

Забегая вперёд заметим, что величину суммы сделки, антиквар, приврав во много раз, поведал братьям Потехиным, не сомневаясь, что те сообщат разговор Майе Георгиевне.

На самом же деле, старинные книги принёс какой-то подозрительный субъект, находившийся поутру в нехорошем состоянии. Малый – явно добрался до «дедушкиной библиотеки» и был доволен полутора тысячами рублей, как манной небесной! Ещё бы! Можно два-три дня пьянствовать и ни о чём не париться! Покупая те книги персонально для новой любимой, Викентий словил себя на пошлой мысли, что приличный букет цветов, обошёлся бы ему даже дороже.

Дорогой и изысканный подарок – для настоящей женщины лучше любого признания в большой и чистой любви

(сколько этих словес было в жизни)! А дар – наглядно свидетельствует о серьёзном к тебе отношении, о великодушии и щедрости дарителя, наконец! Для одинокой дамы – вдвойне! А уж любовь никуда не денется! В чём Викентий Витольдович вскоре и убедился.

– «И хрен бы с ним!» – как любил говорить Сашкин командир разведки, но интеллигент «в пятом поколении» оказался на поверку – настоящим жиголо и всерьёз задался целью поживиться на продаже потехинской кровной, семейной дачи. Ушлому Скуратову позарез нужен был ремонт или, как он выражался – «модернизация магазина»! Которая многократно усилит его конкурентоспособность, а соответственно и доходы. Тогда деньги, мол, потекут рекой, и через годик вернутся к Майе Георгиевне «с лихвой хорошей». А пока, хитрый антиквар пообещал ей трудоустроить в магазинчике непутёвого Саню, да под щедрую, стабильную зарплату. Мол, пусть парень при деле будет. Тем более, что периодически Скуратов срывался «в командировки», и за «ИП» состоявшем из одного человека, нужен был присмотр.

Впрочем, обо всё этом – чуть позже.

ГЛАВА 8. Гвардии капитан Василевский

За тот скоротечный бой у Высоты 217.0, получивший множественные ранения разведчик, гвардии лейтенант Василевский был представлен к званию Героя России. В «наградном» указывалось:

«Попав в составе небольшой разведывательной группы, которую он самолично возглавлял в засаду многократно превосходящих сил противника, гвардии лейтенант Василевский Сергей Александрович в целях спасения личного состава, отдал подчинённым приказ на отход. Сам же, совместно с гвардии рядовым Матюшиным, остался прикрывать своих товарищей. Умело используя рельеф местности и постоянно меняя позицию, они сумели подавить основные огневые точки противника. После гибели гвардии рядового Матюшина (представлен посмертно к ордену „Мужества“), гвардии лейтенант Василевский получил множественные ранения, но продолжал вести огневое поражение врага, обратил его в бегство, и лишь после отступления бандитов, в тяжёлом состоянии покинул поле боя. Командование Н-ской воинской части ходатайствовало о присвоении гвардии лейтенанту Василевскому звания Герой Российской Федерации».

В годы Великой Отечественной войны сам факт представления к званию Героя ещё ничего не значил. Нередко, служ-

дая по кабинетам высокого начальства, оно превращалось в орден «Красного Знамени» (очень почитаемый на фронте), а иногда и ниже бери. В Афганистане картина почти такая же. Были даже своеобразные антирекорды, когда маячившая на горизонте Золотая Звезда героя, всегда вручавшаяся вместе с орденом Ленина, «после выяснения всех обстоятельств» становилась медалью «За Отвагу». Нормально – да? «Отвага» – награда, несомненно почётная и высоко ценимая бойцами, но, согласитесь, это далеко не звание Героя.

На чеченских войнах такого уже почти не было. Особенно – на второй.

«Агитпроп» назойливо требовал положительных примеров этакого, современного героического российского парня, защитника демократического, свободного и сильного государства. А государством этим руководил не старый алкоголик, а молодой выходец из КГБ – непьющий, спортивный и далеко смотрящий. Поэтому и на награды теперь скупились куда меньше. Да и не знали, по правде сказать, нынешние президенты, премьеры и министры, не только сами не воевавшие, но и не служившие в армии высоким наградам цену!

Да и когда всем этим, новоявленным царедворцам – бывшим инструкторам ЦК Комсомола и КПСС, перескочившим в стан демократов, а чуть позже шумных патриотов было служить!? Карабкаться вверх и только вверх надо было! При

всех президентах, режимах и идеологиях.

Правда, в данном конкретном случае, – при разборе боя у высоты 217.0, впоследствии немного подкузьмили показания чеченского «языка», взятого чуть позже описанного боестолкновения. Ведь тогда разведчики успели по рации вызвать две «вертушки». Те быстро прилетели и обнаружили двух боевиков, которые двигались прочь от означенной высоты, да ещё тащили на себе тела убитых товарищей. Бородачей обстреляли с воздуха, после чего на место прибыли бойцы сибирского ОМОНа и обнаружив среди беспорядочно разбросанных мёртвых тел одного живого, раненного в ногу, захватили его в плен и доставили в штаб. Он то и рассказал, как всё было на самом деле.

Увы, – «Многократно превосходящие силы противника» – в одночасье стали «автономно действующей кучкой бандитов численностью пять человек», которых разведчики вполне могли если не пленить, то уничтожить своими силами. Впрочем, всё это не умаляло личного героизма, проявленного Василевским. Ведь когда он давал бойцам команду на отход, а сам оставался на прикрытие, он не знал, да и не мог знать об их численности.

Помимо звания Героя, гвардии лейтенант Василевский вскоре получил и звание старшего лейтенанта (уже подошло по сроку службы), а по излечении в госпитале был направлен для дальнейшего профессионального роста в Военную Академию. Уже в процессе обучения там, бравый офицер был

вызван в Кремль для вручения Золотой Звезды Героя России. На торжественном мероприятии он встретил своего старинного товарища, который был его однокашником по военному училищу, а теперь служил в ФСО РФ, да ещё в самом Кремле. ФСО! Федеральная Служба Охраны. Звучало заманчиво! Товарищ был, что называется – «при исполнении»: в дорогом чёрном костюме, с чёрным, плоским бронепортфелем в руке и являл собой вид важный и внушительный. С момента этой встречи боевой разведчик Василевский загорелся желанием служить в охране первых лиц страны. При вручении награды лично Президентом, молодой старший лейтенант собрался с духом и отрапортовал:

– Товарищ Верховный Главнокомандующий! Мечтаю служить в ФСО! Даю слово офицера – не подведу!

После краткой паузы, по-отечески тёплый, вкрадчивый голос ответил:

– Подавайте рапорт, Капитан! Скажите – я Вас рекомендовал. Но помните – у нас служить непросто!

– «У нас тоже нелегко!» – хотелось ответить Василевскому, но он ошалевший от внезапно свалившегося «капитана» (вчерашний-то лейтенант!), только просиял и выпалил: «Служу России!» Личным распоряжением Верховного он и впрямь в одночасье стал гвардии капитаном, даже не успев толком побывать старлеем, а сторицей, уже через Министерство Обороны провели и соответствующий приказ. Всё честь по чести!

Шли годы. Всё это время, бывший гвардии капитан ГРУ, а ныне офицер Федеральной Службы Охраны, хотел связаться со своим спасителем – Александром Потехиным. Где он? Как он?

Василевский даже жене и друзьям о нём рассказывал, сетовал на обязанность найти… но новая служба закружила, завертела. Вскоре Герой России получил от «Управделами» отличную квартиру в Москве, аж трёхкомнатную! Для небольшой семьи из трёх человек – просто рай! Хороший дом, хорошая семья, хорошая служба, звание Героя – что ещё нужно служивому человеку чтобы достойно встретить расцвет карьеры!

ГЛАВА 9. Выпить с Родиной полезно

В то достопамятное весеннее утро, утро ставшее впоследствии судьбоносным, Саше было очень скверно. Парень маялся с похмелья. К чувству вины знакомому многим выпивохам добавился осадок от колких слов его острой на язык Катюхи.

– «Можно и выпить иногда! Но хоть пей, да дело разумей! Дело не в том, что ты свинья, к этому я привыкла, а в том, что ты бестолковый как полено! – кричала она, всё больше распаляясь. – Вроде и руки, и ноги и башка на месте, а живёшь как шланг! Правильно тебя братец твой называет – шлангом. Тебя можно только презирать»!

От любимой и, как правило довольно мягкой Кати он такого наезда никак не ожидал. В конце концов, если он и выпивал, то вёл себя нормально: шутил, пел песни и обнимался с окружающими. Да и ласки (в широком смысле этого слова) в такие дни Кате выпадало больше обычного! Ну… Если не считать пары злосчастных «обломов». Непонятно – что бабам надо?

Поэтому, в то памятное утро, после того, как зазноба, нервно хлопнув дверью ушла, Саша едва не разрыдался. Затем ли он с детства работал над собой, тренировался, воевал, рисковал, чтобы теперь выслушивать подобное. Но ныть боксёру и спецназовцу не пристало и Саня вскоре взял себя

в руки!

Сорвав с отвращением подкисшую от похмельного пота футболку, отирая плечами стены коридора, он прошёл в ванную, врубил холодную воду и решительно встал под душ.

– Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики! – с чего то бормотал он, задыхаясь от воздействия ледяной воды бежавшей от макушки до пят. С похмела в голову часто лезут дурацкие фразы. Да и мысли такого же сорта.

Немного взбодрившись, парень включил тёплую воду и, критически глядя в зеркало, тщательно побрился. Побрил даже шею сзади, что обычно случалось только в парикмахерской, куда он наведывался не так чтобы часто.

У нашего героя была одна, довольно своеобразная традиция. Когда Александра доставало в жизни ВСЁ и ВСЕ (в том числе, и он сам себя), парень мылся, брился и ехал гулять по столице! Брал с собой чекушку и гулял. В историческом Центре.

Особенно он любил район Красной Площади и вообще Кремля. Всё-таки он был историк, хотя и недоучившийся. По правде сказать, тема эта возникла не только из любви к истории страны… но и не на пустом месте. Просто до Санька со временем дошло, что «отходить» после выпивки, в родном краю – успешно не получается. Прячься не прячься, рано или поздно его разыскивали вчерашние собутыльники и он к вечеру оказывается в состоянии не лучше, чем нака-

нуне. Естественно, что на следующее утро он снова был Ника-кой.

Дабы не допускать подобного безобразия, со временем, Саша стал просто исчезать «в кризисный день» из родного города. Летом он часто сбегал в Серебряный Бор, где отличные пляжи, а наш герой очень любил плавать и загорать. Там он оттягивался сухим винцом (не водку же пить на солнцепёке) и к возвращению домой бывал вполне здоров и бодр. Во времена менее пляжные, он опять же выезжал в Москву, но слонялся где-нибудь по книжным магазинам или «пил с Родиной». Это когда он, проникшись патриотизмом, гулял в районе Красной Площади, периодически потягивая из припрятанной во внутреннем кармане плоской «маленькой» коньячок. Осторожно, конечно. Украдкой. Попробуй выпить на Красной Площади в открытую!

Так он и бродил по отшлифованной веками брусчатке, умильно глядя на древние атрибуты Родины и размышляя о судьбах страны, ощущая «связь времён» и бодрящее тепло в организме. Куда лучше, чем сидеть возле дома с разношёрстной компанией, под крики – «Налей, налей!»

В означенное утро, Саня решил поступить точно также. Немного «выпить с Родиной» и принять человеческий облик! От чистого сердца.

Крепкий, атлетически сложенный мужчина, который болтается уже не первый час в непосредственной близости от «Особых объектов» давно привлёк внимание и полицей-

ских нарядов, и «гражданских товарищей», осуществляющих наблюдательные прогулки. И не то даже, чтобы кто-то подозревал в парне монгольского шпиона… Мысль у служивых возникала примерно такая: «Вот запустили большие начальники «козла», проверить как те несут службу. Выпустили слоняться здесь, а потом будут предъявлять и усираться, что «вызывающе подозрительный тип» часами лазил под носом у охраны Кремля и никто из них даже не почесался.

Поэтому таких гулён как Саня, иногда проверяли. Проверили и его. Нашли перочинный нож, а от парня изрядно тянуло спиртным. Его сразу увели составлять протокол, а что же было делать! Накропали бумагу, переписали данные, пообещали штраф для порядка… И отпустили, наказав больше тут не мелькать.

Обо всех происшествиях и наблюдениях вся информация за сутки стекалась оперативному дежурному ФСО «Объекта №1». Сегодня по «объектам особого назначения», или как их меж собой называли сотрудники – «ООН», дежурил полковник Сергей Василевский. Не то, чтобы дежурил, а был, что называется «Ответственным по ООН».

Небрежно пробегая глазами всю эту постылую писанину, что делал больше для порядка, офицер, вдруг изменился в лице! Он не верил своим глазам!

– «Потехин Александр Сергеевич, житель г. Люберцы» … Ну, и так далее!

Александр Сергеевич! Как и ТОТ! Сам Василевский был

Сергей Александрович, и они с бойцом иногда «обшучивали» эту тему: Александр Сергеевич и Сергей Александрович! «Ну, – „Потеха“, точно он! Неужели!? Год рождения явно подходит!» – радостно подумал полковник и даже засмеялся.

Рапортующий ему майор с удивлением наблюдал за непонятной реакцией ответственного на «пустое и беспонтовое дело» хмельного топтуна с перегаром.

– Это же Серёга Потехин, мы служили вместе! – воскликнул наконец Василевский, потрясая бумагой перед лицом удивлённого майора. – В Чечне вместе воевали! Не надо никаких санкций и штрафов. Я заберу эту бумагу, мне его найти надо. Если это, конечно он… Но это точно он! И возраст совпадает и жил, вроде в Люберцах!

ГЛАВА 10. Служили два разведчика, ага!

Два боевых товарища сидели за столом скромного, уютного кафе и вели оживлённую беседу. Глядя на них, внимательному человеку могло прийти в голову, что идёт постановка какого-то очередного «Золотого Телёнка» (сколько их было!) и перед нами репетиция финальной встречи в лице упакованного, «забуревшего» Остапа Бендера с босяком Балагановым!

Один из собеседников был одет с иголочки и излучал вальяжную уверенность в себе, а другой с восторгом смотрел на старшего товарища, вид имел шальной от радости, а неказистый прикид его оставлял желать много лучшего. Всё – как по книге!

– Тебя, что, вообще не наградили тогда!? – удивлённо пытал приятеля «Бендер», на мгновение даже прекратив жевать. – Мне значит Героя дали, а тебе, который меня спас и уничтожил всю банду – кукиш с маслом!?

– На меня писали представление, – застенчиво пожал плечами «Балаганов». – Но позже. Писать то писали, но там какого-то «чеха» вскоре взяли и он, типа, рассказал, что их там было в засаде с полутора инвалида и, мол, вообще они не нападали, а скрыться хотели… В общем что-то такое наплёл и смазал нам всю картину. Вроде на «Мужество» представ-

ление уходило, но потом всё заглохло.

– Да какая хрен разница, что они, там, плели!? Слушают всяких чертей! – сверкал глазами Василевский, рубя ладонью воздух. – Ты командира с поля боя вынес! Ра-не-но-го!!! Раненого, понимаешь? – наседал офицер, ещё пуще распаляясь от скромности и непритязательности собеседника.

– Да я ж не спорю, – грустно усмехнулся Санёк.

Друзья опрокинули по очередной рюмке, активно закусили. Офицер нервно жевал бифштекс и сердито качал головой.

– Ты вынес меня! С поля боя. А не я тебя. Я б сейчас здесь не сидел – добили бы меня тогда, раненного! – надрывно гудел офицер. – Две же гранаты уже прилетело! А сколько наших не вернулось с той войны! Но ОНИ мне присваивают Героя России, а тебе привинчивают болт! – сокрушался Василевский. – Кто писал на тебя наградное представление? Евстафьев?

– Вроде он. Я уж не помню…

– Не помнюууу… А – надо бы помнить! – ворчал ФСОшник. – Я сегодня же подниму документы! Я до Кремля дойду! – распалялся он, всё больше хмелея. – Тем более, что я там и работаю, ходить далеко не надо!

– Спасибо, конечно, товарищ…

– Полковник!

– ???!

– Да! Уже полковник я! – невольно и чуть самодовольно

улыбнулся Василевский в ответ на изумление бывшего подопечного. – Мы времени зря не теряем! А чего нам по мелочам разменяться, да? Но для тебя я без чинов! – веско заметил он. – Мы боевые товарищи. Я без тебя не полковником был бы, а покойником.

– Полкооовник! – присвистнул «отставной рядовой» – Это круто!

Выпили ещё по одной, уже не закусывая. Боевые друзья «дошли до кондиции» и всё меньше ели.

– Полковник! А ведь вчера ещё были лейтенантом! – воскликнул захмелевший Саня. И тут же, под строгим взглядом бывшего командира (тот не любил громких возгласов), осёкся и добавил потише, сглаживая неловкость: – Летит время-то, вчера ещё Вы были комвзвода – невероятно!

– Ну старшего-то лейтенанта, мне сразу дали тогда, срок уже подошёл! А президент прямо на награждении капитана нахлобучил! – посветлел лицом Василевский. – Присваиваю, говорит Вам, товарищ гвардии старший лейтенант, очередное воинское звание! А я ведь – только с месяц как звёзды старшого нацепил. Нормально!? – хохотнул Василевский. – Но я его не стал разубеждать!

От Сани не укрылось, что глаза командира умильно увлажнились, эмоции переполняли офицера..

Василевский явно смаковал возможность, вот так по-свойски пообщаться о своей удачливой судьбе с простым, достойным и искренним человеком. Годы службы в ФСО

отучили бывшего армейца от непринуждённых бесед. Да и ничего кроме зависти подобный рассказ в сослуживцах бы не вызвал. А зависть сослуживцев – штука не только неприятная, но и крайне вредная.

– А летит не время, а мы летим вперёд! – продолжал хмельной полковник. – И тебе я тоже придам ускорения! В тон времени, – улыбался Василевский. – Запрос по тебе отправлю куда следует. Нас уважают в министерстве обороны, – подмигнул он. – По награждению запрос, я имею ввиду.

– Да, что уж теперь, дело давнее… Сколько лет прошло, – пожал плечами Санёк. – Вот, мне бы, на работу устроиться.

– Вот именно! Столько лет прошло! Пора и наградить уже! – снова подмигнул полковник. – А по работе… что же… Образование верхнее?

– Неоконченное.

– Вот всегда так! – рубанул офицер ладонью воздух, досадливо кривясь. – Что-то да не так! Тебе ж поди – лет тридцать! Где учишься-то? Или бросил? За это время уже два ВУЗа можно было закончить!

– Бросил! – кивнул Саня, глупо улыбнувшись. – Три года назад. Или пять уже… нет, четыре. Восстановился было и бросил – меня же ещё перед армией попёрли. А учился в Московском Гуманитарном. Шолохова. Факультет истории.

– Во-во! «Или три года или пять!» – передразнил офицер. – За что выгнали-то, колись!

– Да, нет. Просто пришлось бросить, денег не хватало. Работал, крутился, ну, и сессию пропустил. Я же ещё до армии почти три курса отучился. Потом восстановился и курс одолел…

– Одолел он! Герой! Денег не хватаааало! – передразнил шеф скривившись. – А люди затем и учатся, чтобы потом всю жизнь денег хватало! – рявкнул Василевский и сердито посопел. Немного помолчав он продолжил:

– А когда денег не хватает, переводятся на заочное и учатся ещё усердней!

Тут он вспомнил, что перед ним человек, которому жизнью обязан, а не подчинённый по службе разгильдяй и сбавил тон.

– Денег не хватаааало…. А кому их сейчас хватает. Веришь, – мне тоже не хватает! А учатся… как раз затем и учатся, чтобы после учёбы их хватало! На хорошей, достойной работе! – менторствовал Сергей Александрович. – Кем работать то без высшего образования? В родном колхозе сторожем?

Саня не спорил с начальником, кивал головой и усердно налегал на дивные закуски. Он давно не едал в приличных заведениях и вообще, в крайние годы питался только гречкой и макаронами.

– Ладно. Я сейчас диссертацию пишу, – продолжал Василевский. – По военной психологии. Там у меня и тема интересная сквозит: что, мол, настоящие герои всегда – или раз-

долбаи или в лучшем случае немного с придурью. Так вот ты – наглядный пример… Не обижайся только! – добавил он улыбаясь. – И заруби себе на носу, что образование – основа любого успешного продвижения в жизни! А денег, Александр, нам вечно не хватает.

В процессе монолога старшего товарища, Саша понимающе кивал головой и, не перебивая, сосредоточенно жевал.

– На неделе поезжай в свой… В эту… Шолоховку, да? Где учился, короче. Похлопочи про восстановление, – продолжал полковник. – Это же надо! Взял и бросил. Я б тебя и теперь прапором пристроил, но их сокращают сейчас что-то. Да и болото это – прапорщик. Получать то у нас нормально будешь, но роста нет! – Василевский скептически покачал головой. – Да и потом… знаю я тебя. Тебя пристрой прапорщиком, ты прапорщиком и останешься! Зарплата бежит, график – хороший, суточный, на рыбалку удобно ездить, да? Сбоку не дует, с потолка не капает. А ведь тебе расти надо, ты головастый. И главное, – ты порядочный человек. Такие люди нужны стране. А наверх почему-то всяких чертей вечно возносит. А тебя я уважаю! Ты – настоящий разведОс! Ну, выпьем за разведку!

Звонко стукнулись рюмками. Выпили. Некоторое время помолчали, закусывая и запивая яблочным соком. Полковник о чем-то призадумался, а потом, будто что-то окончательно решив, продолжил монолог:

– Да! А в прапорА тебе пока лезть не надо. Да и одна толь-

ко проверка к нам месяца три займёт! Даже с моим содействием. Служба у нас такая. Особливая. Надеюсь за тобой ничего хуже шатания по Красной Площади с недопитой бутылкой нет? – спросил он, пристально поглядев на Сашу. – А то знаю я вашего брата-героя!

– Да нет ничего такого! Только… это… Долги по ЖКХ.

При слове «только» – полковник было напрягся, но, услышав конец фразы, тут же расхохотался, взъерошив пятернёй причёску Сане.

– Долги твои скоро спишут! – подмигнул он. – А по ЖКХ, глядишь, вообще теперь платить не будешь! Такое постановление для героев вышло! Пальчики оближешь. Уж года три как.

– Я ж не герой…

– Будешь герой! – отрезал офицер. – Сейчас героями охотно награждают – не то, что в Великую Отечественную. Конечно, сто процентов только дураки обещают, но… вероятность положительного исхода очень высока! – Так говорят шахматисты. Играешь в шахматы? Любимая игра разведчиков.

– Немного…

– Вот, всё у тебя, млять, немного! Нельзя всего и немного! – махнул рукой полковник. – Ладно, как-нибудь сыграем. Я в Управлении – всех делаю… кроме Эйнштейна.

– Кого-кого?

– А, долго рассказывать. Шахматы – великая игра для ум-

ных людей! У меня сейчас просто времени нет… Кстати, мне пора. Полковник завозился в бумажнике и извлёк оттуда некую картонку.

– Вот тебе! – протянул он искомое Сане. – План-привязка к местности. Поезжай по этому адресу, найдёшь там Максима Петровича!

«Он не то на серебре, – на золоте едал!» – мелькнуло из Грибоедова в затуманенной голове Санька.

– Петрович – директор подшефного нам ЧОПа, – продолжал Сергей Александрович. – Скажи, мол, – от меня и он тебя на работу определит. Куда получше. Поработаешь покуда в охране, для поддержания штанов, жрать то тебе что-то надо… а там посмотрим, что с тобой делать! Но что то делать надо!

Забегая вперёд скажем, что своё обещание Василевский выполнил частично. Что значит частично? – Он действительно растормошил «наградное дело» Александра Потехина и организовал «рекомендацию сверху». С тем, чтобы вновь рассмотреть наградное дело. Организовал по всем правилам кабинетного искусства. За подписью очень серьёзного человека из не менее серьёзного учреждения. К рекомендации даже прилагалась характеристика Александра, из которой умные люди в кадрах могли сделать вывод, что Потехин человек непростой. В том смысле, что Нужный органам человек. Не лишний, прямо скажем.

Однако вскоре поток забот и служебных напрягов так за-

крутил полковника ФСО, что он подзабыл о Сане. Большие люди – большие хлопоты!

Между тем, Санёк приехал по указанному адресу и заботливый Максим Петрович, директор ЧОП «Мангуст», смекнул, что «присланный казачок» может стать глазами и ушами Василевского. Это было лишним для Петровича. Конечно, отказать в приёме на работу он не мог, но деликатно задвинул неприхотливого, скромного Санька на тихий объект, у чёрта на куличиках, подальше от охраны солидных клиентов его конторы. Платили там не слишком много, но и не утруждали сверх меры. Саша был рад и этому и, конечно, ему и в голову не могло прийти апеллировать к Сергею Александровичу по поводу почти двухчасовой дороги до работы.

А сколько раз, дорогой читатель, влиятельные и богатые друзья нам обещали «разобраться с делами, вскоре позвонить и по-хорошему встретиться»! И тогда, за рюмкой, и мы сами и «энергоёмкие обещатели» твёрдо верили, что так оно и будет!

Нет, – никто никого не обманывал, просто деловая суета иногда сильнее наших планов, обещаний и мечтаний.

Закрутилась Сашина охранная рутина: униформа, графики, проверки… Но ведь работу он всё-таки получил, а с ней и «хлебную карточку», как метко прозвали свою получку сотрудники. Так что всё было нормально. Ну, а полковника Василевского другие дела завертели! План «по реорганиз-

зации, усилению и дальнейшему развитию», плюс диссертация, плюс «частная поддержка частного же бизнеса». Перефразируя: большие люди – большие дела!

Вот только в Министерстве Обороны оказались не мечтатели, а люди вполне деловые и практичные. Да и, говоря по совести, описание подвига гвардии рядового Потехина впечатляло! Ближний бой, вынос из-под шквального огня раненного командира! Это вполне тянуло на Золотую звезду. Особенно на фоне начавшейся в стране «наградной вакханалии». Многочисленные ордена и геройские звёзды запестрели на лацканах счастливцев и куда как за меньшие подвиги. Образ «Страны Героев» активно взращивался и пестовался на всех уровнях, в том числе и в средствах масс-медиа.

Седой, заслуженный подполковник, некогда сам боевой офицер, которому поручили «посмотреть тему Александра Потехина», с чистой совестью дал ей дальнейшее развитие.

Одним словом, парню повезло. Как говорится: не быть бы счастью – да несчастье помогло. Ведь получи тогда Александр орден Мужества, вторую по значимости боевую награду, коих к слову, было роздано более 100 тысяч (!) (исключительно героическая страна), не быть бы ему теперь Героем России. И не быть бы всей нашей удивительной истории, которая только начинается. Здесь вспоминается один из принципов учения которое исповедует толкователь Торы, мудрец Ашер Кушнир: «Не нужно терзаться, если что-то в жизни сразу не получилось, может быть это предпосылка к тому,

что вскоре получится гораздо большее!»

Генерал-майор Половодьев, на чей стол легло в конечном итоге наградное дело гвардии рядового Потехина, внимательно ознакомившись с материалами, был просто потрясён несправедливостью с которой обошли парня наградой и уже через полчаса бумаги отправились на окончательное утверждение «на самый верх». А там Наверху – всегда доверяли решениям «наградников», так как им, на месте виднее. «Наверху» могли и сами инициировать какое-либо награждение, услыхав о проявлении героизма, скажем, из телепередач, но уж те случаи, которые были проверены и утверждены, и направлены «на Высочайшее имя», всегда рассматривались положительно.

В принципе, исключение могло быть только одно: если в ряды награждаемых попадёт какой-нибудь «контрик», оппозиционер махровый… Но при мощной, отлаженной бюрократической машине, подобное было маловероятно.

А в итоге приказ о присвоении звания Герой Российской Федерации, подписал лично Президент. Нужно сказать, что хотя глава страны и не сильно занимался (да и не мог в силу образования) промышленностью или сельским хозяйством, но нелёгкое бремя приказов о присвоении званий генералов и Героев России он добросовестно возложил лично на себя. Все эти заслуженные счастливцы всегда должны были помнить кому они обязаны своим высоким положением!

ГЛАВА 11. Награждение в Кремле

А награждение будет в Кремле! В Кремле!

Уже само осознание этого факта, заставляло сердце Саши биться учащённо! Неподалёку от Красной Площади, в условленном месте, нашего Санька, надлежащим образом проверили, погрузили в спецавтобус, где уже собрались другие награждаемые. Там молодой майор ФСО провёл с ними первичный инструктаж, а его помощники первичный досмотр. Соискателей высокого звания тщательно, но, по возможности деликатно осмотрели. Затем автобус проследовал через Спасские Ворота и остановился близ Первого пункта Комендатуры.

Через полчасика героев стали выводить по одному, каждого сопровождал сотрудник ФСО. На входе в грандиозное помещение – вотчину Ответственного Инструктора по Вопросам торжественных церемоний, При досмотре Александр выложил свой мобильник, ключи и прочие ненужные для данного мероприятия аксессуары. Из металлических предметов при нём оставили только пряжку ремня, который тщательно осмотрели и разрешили не снимать. Сама цепь «приготовительных процедур», как выразился офицер, уже начинает вызывать в награждаемых нервный стресс, поэтому многие подходят к завершающей все эти муки церемонии – чуть не на последнем издыхании. К моменту награж-

дения некоторые теряют дар речи и могут лишь улыбаться и кивать головой.

Это нормально. Главное, чтобы не было обмороков! – именно так требовала внутренняя инструкция, регламентирующая порядок «подведения субъектов награждения к завершающей фазе основной церемонии». В витиеватой инструкции так и записано! После ряда непременных процедур по линии безопасности (шутка ли – люди вступают в прямой контакт с Президентом!), группу Героев России отделили от менее статусных виновников торжества (всяких лауреатов, «заслуженных всех мастей» и прочая) и поместили в отдельное помещение, где рассадили за обширным круглым столом. В глубине просторного зала, находился другой стол, поменьше. За ним сидела дама и представительный седовласый человек с лицом доброго волшебника. Они отвечали за «подведение героев к важнейшему событию, в здравом и бодром состоянии» (так в инструкции).

Претендентов на награждение по очереди подсаживали к парочке (немного напоминающих приветливых сотрудников ЗАГСа) и те в непринуждённой беседе снимали (как им казалось) стресс с получателей высоких наград.

Сашиным соседом справа оказался какой-то азиат монголоидной внешности. Про себя Санёк сразу окрестил его китайцем. Позже выяснилось, что это пастух не робкого десятка – Бабу-Доржо Михайлов из бурятского села. Его героический подвиг заключался в том, что он отогнал отару овец по-

дальше от лесного пожара. Да не только отогнал, но и не поленился трактором вспахать вдоль поля полосу, чтобы приближающийся огонь не перекинулся дальше. Смекалку пастуха оценил руководитель района Винету Дамдинов, и вскоре представление к званию Героя Российской Федерации Бабу-Доржо Михайлова устремилось на самый верх. Там его с радостью утвердили. Президент очень любил награждать представителей самых разных национальностей и народов России. Это должно было символизировать то, что обделённых граждан в Российской Федерации нет, все любимы и, даже просто за такое трудовое рвение, любой житель страны может получить у нас звание Героя.

Украдкой Саня благодушно наблюдал за бурятом, благодаря чему и вовсе успокоился. Тот был очень забавный, вертел головой по сторонам и восхищённо охал.

«Если и такой чудак тоже получает Героя, то всё в порядке, нечего и нервничать!» – думал Потехин, немного придя в себя от треволнений. Меж тем героический пастух захотел пообщаться с соседом. Он добродушно пихал Александра локтем в бок и указывал пальцем на лепное великолепие помещения: – Ого себе, да!? – Ага! – согласился Потехин.

– Бабу! – тихо сказал бурят, протягивая руку и широко улыбаясь.

– Что бабу? – не понял Саня.

– Имя моё такое! Бабу-Дорджо! – улыбнулся бурят. – Это

если полное. Русские второе не запоминают, а первое легко помнят, только немножко улыбаются.

– Понятно, – растерянно кивнул Саша, сдерживая улыбку. – Первое твоё имя попроще.

Саня хоть и успокоился, но был несколько придавлен своими мыслями и торжественностью момента. Он даже забыл представиться соседу в ответ. А сосед всё ёрзал на мягком «гамбсовском» стуле и вертел головой. Очевидно он тоже волновался, но есть люди, которые волнуясь ведут себя тихо, а иные – наоборот, начинают в волнении много болтать.

– А я считай в юрте вырос! – шептал он в ухо Сане. – Не юрта, конечно, в них одни чучмеки живут. Однако и не дом как у вас! Не думал, что в таком дворце окажусь. Президент пригласил! Сам!

– Сам тебе позвонил? – ехидно поинтересовался Санёк. (он сейчас не был настроен трепаться)

– Нет! – замотал головой пастух. – Президент только сам пригласил! Я же говорю – при-гла-сил! Меня. Понимаешь? А позвонил мне – Винету! Это наш…

– Ага! Здорово! – перебил Потехин, сердито улыбаясь и досадуя на неугомонного соседа. Сане хотелось собраться с мыслями, да и прочувствовать, что называется, величие момента. А тут, понимаешь ли, юрты!

– Мне, – продолжал доверительно бормотать Бабу, – когда Бато-Мунко уважаемый, это наш старейшина такой, бывший шаман… хороший человек, сказал – будешь Героем всей

страны, я даже заплакал… Не верил я сразу даже.

– Ага, понятно…

В это время в помещение вошёл импозантный молодой человек и подойдя к нашими собеседникам, приятным голосом попросил прекратить разговоры. Как потом узнал Саня, разговоры между награждаемыми не допускались инструкцией, чтобы снизить риск какого-то сговора на провокацию. Поняв, что за присутствующими ведётся пристальное наблюдения, оба награждаемых послушно притихли. Остальные соискатели наград сидели чинно и молча. Приятногласый товарищ некоторое время постоял у стола и посчитав миссию выполненной, степенно покинул помещение.

Однако, как только тот ушёл, притихший было Бабу-Доржо наклонился к уху Потехина и торопливо зашептал:

– А геологи, что приезжали к нам называли меня Жорик! Почему Жорик, да? Не могли имя…

– Тише! – цыкнул на него Саня и для убедительности прислонил к губам палец. – А то нас выведут отсюда. Без наград.

– Выведут, выведут! Как не выведут! – согласился Бабу-Дорджо активно кивая. – Уже долго-долго держат, однако! Скоро выведут.

И наконец торжественный момент настал!

– Для награждения вызывается Александр Сергеевич Потехин!

Саня очень боялся, что в подобный момент его может разобрать понос или, скажем, начнёт тошнить на нервной почве. Человек – слаб! Ведь мы можем сколь угодно хорохориться, но русский человек уж так устроен, что даже проходя предполётный контроль на посадку в самолёт, мандражирует так, будто планирует провоз как минимум мешка героина. Что уж тут говорить о Тронном зале Кремля!

Но всё обошлось благополучно. Помогала Санина ирония и в особенности – его самоирония. Он видел себя со стороны и про себя же посмеивался, мол, нашли героя: чувак от тёток из ЖКХ чуть не под кроватью прячется, а – туда же!

Одним словом, Александр Потехин вполне достойно пережил процедуру награждения, в том числе и обязательное фотографирование с президентом. Правда индивидуальных фото с Самим не было, чай – не народные артисты или великие учёные. Зато был сделан снимок где справа и слева от главы государства выстроились все десять новоиспечённых героев страны. Впоследствии Санёк досадовал, что снимок подпортила огромная голова прославленного чабана Бурятии, который, невольно и стал гвоздём фотографии!

– Такою физиономию – только на рекламу кумыса помещать! – ворчал Александр после того, как фельдъегерь доставил ему под роспись драгоценные фото. Надо сказать, предчувствия Санька не обманули. Все, кому он показывал впоследствии эти снимки спрашивали: – «А кто это такой смешной, мордатенький рядом?» Шовинизм и прочие пред-

рассудки тут совершенно не при чём – их не было, да и быть не могло! Просто не вязался этот забавный товарищ с нашими народными представлениями о скуластых героях с квадратной челюстью и лицом как у памятника Алёше.

Саня решил, что лучше бы в этот день его награждали, например, с бойцами «Альфы» или на худой конец, в компании героических полярников. Ведь при просмотре фотографий нас всегда ассоциируют с тем, кто на снимке с нами рядом. А уж когда речь о подобных, эпохальных фото – тем более!

Вечерняя трансляция этого торжественного события только подтвердила Сашкины мысли. Штатный кремлёвский корреспондент взял интервью, как назло, только у пастуха Михайлова и тот подробно рассказал, как отгонял овец подальше от огня. Будто они сами бы не отбежали, если б припекло!

Так уж устроен был наш Александр. Он всегда был чем-то недоволен. Тут бы скакать от гордости и радости, а он…

ГЛАВА 12. Визит в родную школу

Майя Георгиевна не могла нарадоваться, глядя на как бы воскресшего из «житейского праха» сына. С тех пор как тот получил звезду героя, она стала выходить на люди только в праздничных и торжественных нарядах. Казалось это событие добавило и ей веса, какой-то даже степенности. Мать Героя – это не шутка!

– А я и не удивляяюсь! – задумчиво говорила оно, этак, слегка нараспев. – Сашка тюфяком-то никогда не был! Не на своём месте он был, – это да! Он же прирождённый лидер, герой! Ему бы с младых ногтей в полиции работать! Или в Госбезопасности. Самое место. Он же психолог, людей насквозь видит; смелый, инициативный. Помните, я всегда это говорила?

Вообще-то мама всегда говорила обратное, но сейчас она и сама твёрдо верила собственным словам. У женщин это иногда получается.

А брат Николай хорошо помнил, что говаривала про «инициативного» Санька мать, но деликатно не спорил. Хотя и не спешил подтверждать. Не спорил он, считая это занятие бессмысленным, а не подтверждал, поскольку не было сил поддерживать это, мягко говоря, искажение действительности. К слову, некоторое время Николай всё не мог поверить в происходящее с родным разгильдяем; всё это стряс-

лось как-то резко и очень неожиданно.

Зато его жена Людочка, усердно поддакивала свекрови. – Да, да! В нём всегда было что-то такое-эдакое, Марсовское!

По случаю награждения Саши Потехина, в родной школе героя прошёл День Подвига. Висели разноцветные шары, всё было торжественно и с помпой. Завуч Пелагея Ниловна, хотела, чтобы слово взяла бывшая классная руководительница героя – Мария Марковна, педагог со стажем. Однако та наотрез отказалась, сославшись на боли в горле. Недоумённо посмотрев на неё, завуч решила взять слово сама. По-армейски одёрнув фалды жакета, Ниловна вышла к небольшой, видавшей виды «трибуне». Та знавала на своей фронтальной стороне, ещё изображение герба Советского Союза, который даже не снимали – мол, кощунство же, а просто залепили двуглавым орлом в свете быстро бегущего времени.

Открывая сие мероприятие Пелагея Ниловна призналась, что примером для молодёжи могут служить оба Потехина! Оба они, мол, и головастые, и смышлёные, и совестливые! Оба были примером для подражания, но именно в Саше, в Александре – всегда чувствовался какой-то несгибаемый стержень, какой-то невероятный, доселе нераскрытый потенциал. Этим, мол, он и отличался от брата Николая, – парня тоже очень достойного, смелого и доброго. Аудитория чинно слушала, и, что удивительно, на сей раз почти не было привычных разговорчиков и смешков на галёрке.

Удачно и резво начав, пожилая Пелагея Ниловна отдыша-

лась, чутка театрально помолчала, обводя аудиторию внимательным взглядом поверх очков… и бойко продолжала:

– А Саша, Александр… В нём всегда чувствовалась какая-то недосказанность, он никогда не суетился… Словно бы готовил себя к чему-то настоящему, высокому, что остаётся в веках, о чём потом слагают песни! Вот Коля-то немного другой был: внимательный, хваткий, конкретный, более предсказуемый, что ли, да? От него всегда знали – чего ждать. Вот, от Саши… Александра Сергеевича – не всегда.

При этих словах страдающая горлом Мария Марковна резко опустила глаза, силясь скрыть усмешку.

Далее дама немного порассуждала, о том, что на таких как достойный, серьёзный Николай Потехин, наша планета Земля держится (Коля, в отличие от Саньки, всегда был её любимчиком), а за таких как Саша нас, мол, Господь Бог простит и помилует. При последней фразе пожилые педагоги едва сдержали улыбки – в советское время, молодая и пламенная Пелагея Ниловна преподавала Научный Атеизм» и отличалась агрессивным безбожием. Наконец завуч наговорилась всласть и угадав растущее нетерпение присутствующих торжественно провозгласила:

– Один из лучших учеников 405 школы, Герой Российской Федерации и просто настоящий мужчина – Потехин Александр Сергеевич!

Надо сказать, что при пассаже о лучшем ученике школы, по лицу «брата Коли» скользнула тень змеиной ухмылки.

Ведь Санёк никогда не был не только «из лучших учеников», но и среди худших – лучшим тоже не был.

Под гром аплодисментов Саня резво зашагал к сцене, причём все (и он сам тоже) заметили, что у него развязан шнурок на левом ботинке.

– «Тоже мне, Гагарин, мля»! – сердито подумал он заметив это и досадуя на мать, которая чуть не насильно сняла с него привычные ногам чёрные кроссовки и впарила эти негнущиеся боты!

Тщетно скрывая некоторое смущение, вызванное и шнурком и пресловутым «лучшим учеником школы», он громко откашлялся и обвёл взглядом собравшихся. Накануне визита в родную школу, Саша весь вечер штудировал некое ораторское пособие. Его впарил ему ещё Борис Ефимович, сопроводив подарок напутствием, что теперь Сане придётся говорить часто, а значит надо тренироваться! «Искусство публичного выступления» от профессора Духовского. Параллельно с тем он накропал проект своей речи. Как человек начитанный, Саня обладал развитой, грамотной речью – тут было всё в порядке. Однако, как «вечно второй» он был недостаточно уверен в себе, и имел массу комплексов, для оратора серьёзный минус.

Но, понемногу проникаясь своим нынешним положением, парень обретал уверенность в себе, некую степенность, хотя работы в этом направлении был непочатый край. Одёрнув пиджак, к которому он всё никак не мог привыкнуть

(но не цеплять же звезду героя к свитеру), Саша приветливо поклонился публике и дождавшись, когда стихнут аплодисменты начал выступление.

– Здравствуйте, ребята! Здравствуйте взрослые! Спасибо Вам за такой тёплый приём…

Тут его телефон заиграл песню «Наша служба и опасна, и трудна». Он хотел его выключить и продолжить, но сразу сообразил, что такой позывной означает, что звонит Василевский. Василевских – не отключают!

– Извините, друзья… Очень важный звонок… Из Службы Президента!

С этими словами он «заалокал» в трубку и выскочил из аудитории за дверь.

– Как был малахольным, так и остался! – пробормотал брат Николай на ухо жене. – Какую-то «Службу Президента» приплёл! Что есть такая Служба?

– У Президента – много Служб! – цыкнула на него жена, сердито дёрнув за рукав.

«Другой уровень стал у парня! Совсем другой!» – смекнула мать, гордо улыбаясь.

Между тем, по незаметному публике, сигналу, монументальной Пелагеи Ниловны, велеречивое знамя собрания подхватила молодой педагог Алёна Игоревна, биолог. Прежде, она закончила эту же школу, куда и вернулась впоследствии, уже учительницей.

– Историю, ребята, пишут романтики! – надрывно и звон-

ко провозгласила Алёна. – Люди окрылённые, мало думающие о личной выгоде! Я знала обоих Потехиных, мы учились в параллельных классах. Дружила с ними…

Тут нужно сказать, что в старших классах Алёнка активно липла к отличнику – успешному и перспективному Николаю, а тот, хотя и реагировал охотно, но был неприступен для серьёзных, длительных отношений. Но амбициозной девушке хотелось большего чем просто развлекалово.

– Вот, Коля был более успешен что ли, – продолжала она. – перспективен… Ему всё легче давалось. И науки и даже успех у девчонок. (При этих словах Коля не смог сдержать неуместной и даже глумливой улыбки). – Николай твёрдо стоял на ногах, что называется, – продолжала Алёна Игоревна, бросив на Николая испепеляющий взгляд. – Но, ребята… неисповедимы пути Господни! – продолжала она с новым надрывом. – Вы помните ребята, есть золотые слова в киноленте «С лёгким паром»! (При этом Алёна снова нашла взглядом Николая, уже овладевшего собой и сидящего с непроницаемым лицом Сфинкса) – Прекрасная ведь киноленте, согласны?! На века! Там говорится всяким подобным «Ипполитам»:

– «Такие как Вы всегда правы! Вы не опаздываете на работу, вы выполните и сдадите в срок план. Но в этом и ваша слабость! Вы не способны на безумство. Великое – вам не по плечу!» – Прекрасные слова, ребята! Так вот! Александру Потехину, скромному, отзывчивому и незаметному

на первый взгляд пареньку, оказалось по плечу – Великое! Без преувеличения! Под ураганным огнём бандитских головорезов он вынес раненного командира из-под обстрела, а потом вернулся на позицию и прицельным огнём подавил огневые точки противника! Тем самым обеспечив нашим войскам успешное наступление по всему фронту. В нашей жизни всегда есть место подвигу, ребята! Вопрос лишь в том готовы ли мы свершить его! Каждый день задавайте себе этот вопрос ребята! И будьте готовы!

– Всегда готовы! – крикнул с галёрки двоечник Брусникин. Но тут же, сам испугавшись, вжал голову в плечи.

– А я и не сомневаюсь! – залихватски парировала не растерявшаяся Алёна с радостной улыбкой. – Затем мы, ваши педагоги-наставники и работаем!

Алёна Игоревна была отличным оратором и ярким, бойким членом партии «Единая Россия». Знали её и в Администрации города. На всех сколь-нибудь заметных мероприятиях, она всегда брала слово и речи её были убедительны, образны и пестрели сравнениями, парадоксами и шутками. Что, кстати, было не характерно для косноязычных и малообразованных карьеристов-недоучек «новой формации», а потому очень ценилось Наверху.

Вернувшийся в зал Александр Потехин вновь вышел к «трибуне» и взял микрофон. Снова раздались бурные аплодисменты. Саня был взволнован и забыл с чего хотел начать выступление. Он опять разволновался, в голове зазвене-

ло и на язык предательски просилась всякая дурь. Но именно это его рассмешило и соответственно – немного расслабило. Он понял, что сейчас главное – начать выступление, а для этого лучше, для разгону, что-то приврать.

– Уважаемые учащиеся! Уважаемые педагоги и гости! Прежде всего хочу передать Вам горячий привет от Начальника Федеральной Службы Охраны, куда меня сейчас пригласили на работу!

Потрясенные присутствующие несколько секунд ошарашено молчали, потом зал вновь разразился аплодисментами, а неугомонный двоечник Брусникин даже прокричал «Ура!», как на параде. Санёк ещё не растерял остатки совести и, немного смутившись реакцией зала, решил чуть снизить градус всеобщего восторга.

– Спасибо, друзья! Когда из меня делают какого-то небожителя, это неправильно! Мне даже неловко. Потому что я такой же, как и вы. Был такой же, как и вы, ребята! – уточнил Саша, сделав всё-таки ударение на слове «был». Вновь одёрнув пиджак, он откашлялся и уверенно продолжал:

– Вот и среди вас, здесь сидящих, возможно находится будущий герой, кто знает! Если бы мне в ваши годы кто-то сказал, что я буду Героем России – не поверил бы! Ничего во мне не было героического, обычный пацан.

– Значит в Вас был скрытый потенциал! – вставила улыбающаяся Алёна Игоревна. – Ничего из ниоткуда не берётся, Александр! Должен быть фундамент.

Разговорчивая Игоревна немного сбила начинавшего набирать обороты героя. Он осёкся и на минуту замолчал.

– Правильно же, Александр? Ведь должен быть фундамент? – попыталась помочь ему завуч с досадой косясь на разговорившуюся Алёну Игоревну.

– Ну, наверное, – кивнул Саня. – Фундамент какой-то был. С детства я много читал, в том числе про героев. Занимался спортом…

– Вот видите! Спортом! – не унималась Алёна. – Не это ли помогло вам вытащить с поля боя раненного командира!? Тут ведь и сила нужна! Вы ведь, по-моему, занимались самбо?

– И самбо и боксом! – бодро кивнул Санёк, не моргнув глазом (самбо он занимался не больше двух месяцев)

– Ну, вот видите!? И не самбо ли занимался наш дорогой Президент!? (Игоревна была неудержима)

– Конечно самбо! – просиял Потехин, вновь нащупывая канву беседы. – И дзюдо ещё. Так он ведь с бокса начинал, просто ему на первых тренировках нос сломали… А на самбо меня привёл мой брат Николай.

– Я привёл, я и увёл! – хихикнул Николай в ухо жене. – Его тренер за курением поймал и сразу выгнал.

– Коля уже тогда по своему возрасту брал призы на области, а про город и говорить нечего! – продолжал Саня. – Николай мог ещё до армии выполнить кандидата в мастера спорта! На одном из турниров он…

– Александр! Александр Сергеевич! – резко перебила Алёна Игоревна. – Скромность делает Вам честь, но мы сейчас чествуем *не кого-нибудь*, а именно Вас, Ваш великий подвиг! Поэтому…. Хотелось бы послушать о вас! Что вы думали, совершая свои героические действия. Поведайте нам, о чём вообще думает человек в такие роковые минуты?

На минуту Саня снова замолчал, отметив про себя, что ему необходимо поработать над уверенностью пред публикой. И ещё – отучиться от привычки одёргивать края пиджака – чай не двоечник на приёме у директора школы. Откашлявшись он снова одёрнул пиджак (без этого, видимо, не лилась речь) и продолжал:

– Вы знаете… Я не о ратном долге думал. Мне было понятно, что если я брошу лейтенанта, а сам сбегу, то просто в дальнейшем не смогу нормально спать, нормально есть! – проникновенно и искренне отвечал Саня. – Понимаете? Эта подлость навсегда останется со мной. Поэтому никакой дилеммы не было. Ситуация тогда сложилась так, что или мы уходим вместе или… сами понимаете, – добавил он совсем тихо и уставился в окно.

– Но ведь вокруг пули свищут, рвутся снаряды! – вмешалась Пелагея Ниловна. – Это же страшно!

– Да ничего тогда не свистело уже! – отрезал Саня. – Я обезвредил тех, что были на склоне с моей стороны, а пока остальные меняли дислокацию я вытащил командира в безопасное место.

– «Обезвредил», «Утащил командира»! – простые слова смельчака, – негромко сказала завуч. – Видите ребята! Видите, что отличает и украшает настоящего, а не дутого героя? – Скромность! Точность в рассказе. Представляете сколько мог понапридумывать на месте Александра Сергеевича человек хвастливый, поверхностный? – резюмировала Пелагея Ниловна и тут же громко зааплодировала.

– Задавайте вопросы, ребята! – «подхватила знамя» Алёна Игоревна. – Ведь перед Вами уникальная личность» Много читал, хорошо учился, занимался спортом…

– А кто ваш любимый герой!? – выкрикнул хулиганистый парень в подростковых прыщах.

– Мой любимый герой – Робин Гуд! – отчеканил Александр.

Алёна одобрительно закивала, а, вот, Пелагеи Ниловне ответ, похоже, не глянулся.

– Так он же фактически бандит! – крикнули с галёрки.

– Не бандит, а разбойник, – мягко поправила Алёна, понимая, однако, что хрен редьки не слаще.

– А если б сегодня появился такой разбойник и «занялся олигархами», в пользу народа – никто б не разбирался бандит он или разбойник! Закатали бы на «Белый Лебедь»! – крикнули с галёрки, сопровождая комментарий здоровым пацанским ржанием.

Пелагея Ниловна побагровела и с плохо скрываемой досадой всматривалась в сторону горластых вольнодумцев.

– Давайте, ребята, не будем отображать исторические события древности на день сегодняшний! – парировал Потехин. – Конечно в наш век цивилизации Тот Робин Гуд невозможен. Но, возможны люди обладающие его качествами, люди люди бескорыстные… скажем – мирный образ Робина Гуда.

– Мирный образ Робина Гуда – Юрий Деточкин! – подал голос Николай Потехин!

Не все дети поняли о ком речь, но взрослая публика зашлась неуместным хохотом.

Так общими усилиями, проявляя элементы «коллективного творчества» собравшиеся относительно успешно пришли к финишу мероприятия.

– Сегодня мы встретились с героем нашего непростого времени, ребята! – подвела итог Ниловна. – Когда рядом свистели пули, рвались снаряды, он остался просто Настоящим Человеком… Помните «Повесть о настоящем Человеке»? Остался нормальным и скромным русским парнем. Нашим Сашей Потехиным! Браво, Александр! Похлопаем, ребята!

На заднем ряду смахивала скупые слёзы Майя Георгиевна, мать героя. А у Сашиной классной руководительницы, Марии Марковны, которая, когда-то наглядно объясняла детям на примере близнецов Потехиных, что, мол, в одной сре-

де и у одних родителей могут расти такие разные дети: один совестливый, трудолюбивый и умный (Николай), а другой бессовестный разгильдяй и лентяй (Сашка), теперь першило в горле, а в душе была надежда, что всё, что она тогда с пафосом несла, уже за давностью лет позабылось.

Отгремели аплодисменты, откланялся Александр, педагогами в «Учительской» был торжественно съеден торт с чаем, а вечером вся семья Потехиных собралась у Майи Георгиевны. Только беглую Катю, хотя она и мягко напрашивалась, решили не звать, мол, нам «перебежчиков» не надо! Говорили шумные тосты, выпивали, ели утку с черносливом и припоминали детство героя.

– Имя определяет судьбу! – восклицала мать. – Александр! Это не только звучит, но и движет по жизни! Александр Македонский! Александр Второй Освободитель! Александр Третий… Это… Наш Президент его любит.

– А Николай? – поинтересовался со скрытой ехидцей брат Коля.

– А Николай – мученик! – хохотнул захмелевший Санёк. – Николай Второй.

– А Николай – Чудотворец! – не растерялась Майя Георгиевна, сгладив Сашину бестактность.

ГЛАВА 13. Встреча с тренером

Сквозь сон, хороший крепкий сон, который снизошёл к нему лишь под утро, Саша услышал стук в дверь.

– Вот кого несёт!? – бормотал он, выбираясь из уютного гнезда одеял и подушек.

Он давно хотел избавиться от привычки открывать дверь всем «кто ломится». С тех пор как он обломал «сборщиц налогов» из ЖКХ, парень больше не боялся открывать дверь квартиры. Однако и прочие визитёры не всегда были ко двору.

«Можно же и просто не реагировать на стуки», – думал Саня, направляясь, тем не менее, к двери. – Кто надо – по телефону о визите сообщить может. И желательно заранее. Хмурясь, он щёлкнул замком и приоткрыл дверь.

На пороге стоял его бывший тренер по боксу – Юрий Васильевич, крепкий мужичок под шестьдесят. Он тщательно шаркал ногами о коврик и мял в руках свою хулиганскую, клетчатую, с бордовым подбоем кепку.

– Ого! Юрий Васильевич! – просиял Александр. – Проходите. У меня правда не убрано.

– Здорово, Александр! Здорово – герой! – тренер улыбался и нащупав впотьмах Санину руку для пожатия, бочком протиснулся в узкий коридорчик. – Вижу ты спал ещё!

– Ага! Вчера с родственниками пересидели немного…

– Мы тоже вчера пересидели. По случаю грядущих выходных. Прямо в спортклубе. Скоба был. Ухарь был. За твоё здоровье выпили! – подмигнул тренер, по-свойски направляясь на кухню.

Там он извлёк из потайного кармана куртки бутылку коньяка, с любовью потёр этикетку ладонью и удовлетворённо крякнул – мол, «фирма вениковне вяжет». Затем встряхнул, любуясь янтарной игрой пузырьков и со стуком поставил на стол.

– Вооот! Мы тоооже пересидели… Да уж. Да просто – по-русски, как полагается посидели. Вот, взял с утра для поправки! Не пьянства ради, а здоровья для!

– Юрий Васильевич…. Ну, зачем? – Александр поморщился, но эдак – мягко, деликатно. Чтобы не обидеть ненароком.

– А холе нам татарам! – воскликнул тренер. – Я ведь к тебе с важным разговором. Просьбишка к тебе есть. Вот погутарим и заодно подправимся.

Данному сообщению Саша немного удивился. Дело в том, что Васильич никогда никого ни о чём не просил. Мало того, что старый тренер ни в чём не нуждался, да и вообще вёл аскетичный образ жизни, так он ещё располагал определённым уважением в авторитетных кругах района, воспитал солидных учеников – чиновников и бандитов (иногда в одном флаконе), а те следили, «чтобы у Старого всё было». Так уж у бывших спортсменов принято.

– Что за просьба? – спросил Саня.

– Через неделю у нас турнир областной будет, – начал тренер, откупоривая ёмкость. – Персонально прошу тебя поприсутствовать! Там не долго. Где твои рюмки-то?

– В Триумфе что ли будет? – спросил Александр, открывая буфет.

– В нём! – кивнул тренер. – Ожидается, что глава района соизволит. Звонили из мэрии.

– Ого! Постараюсь прийти! – сказал Саня, доставая из шкафчика пару рюмок.

– Не постараться надо, – делово пробасил Юрий Васильевич, воздевая палец в потолок, – а быть обязательно! Почётным судьёй соревнований хотим тебя определить.

– А что делать там нужно? – нахмурился Потехин. – Какой я судья…

– Да нечего там делать! – махнул рукой тренер. – Сиди в Президиуме, да смотри соревнования. Иногда и похлопаешь бойцам для поднятия боевого импульса. Они недолго. Потом банкет. Ну, и слово сказать перед турниром.

– А почему я?

– Да потому что это турнир на призы Героя Российской Федерации Александра Потехина! Понял? – подмигнул тренер. – Будет теперь такой. По юнцам.

– Вот те раз! – удивился Александр. – Я и помыслить не мог.

– Теперь знаешь! – ответил Васильич, разливая коньяк

по рюмочкам. – Ну, вздрогнем!

– Юрий Васильевич! Утро же ещё…

– Вот именно, что уже утро в разгаре! – наставительно заметил визитёр. – Надо поправить здоровье и дела делать! У меня сегодня средняя группа занимается в два часа! Лапы держать надо пацанам, без лап какая тренировка, а? А какие лапы без твёрдых рук! А какие твёрдые руки без полноценного самочувствия!? Следишь за логикой!? – тараторил наставник и с улыбочкой опрокинул рюмку. – За тебя, дорогой! – добавил он сторицей, спохватившись.

– За тебя, Васильич! – маханул в ответ Санёк, поморщившись.

– Понимаешь, Саня! У нас государство всё больше полицейским становится, – продолжал тренер, кривясь от дольки лимона. – Мне уже выговаривали тут… Шпану наплодил, непонятные личности в бытовке собираются… А мы им, баклanам: – Нате! Будьте-нате! – Турнир имени нашего воспитанника, Героя России Потехина! Нашего Потехи! Которого Мы, лично вырастили, Мы дали стране! Ругаемый вами Васильич его вырастил! Смекаешь?

Саня смекал. Главное, что он теперь всё чаще начал смекать, что отныне он уже не принадлежит себе. По крайности – в той мере, как это было раньше.

– Ты у нас КМС вроде? – спросил тренер, наливая по новой.

– Первый разряд у меня…

– Ах, что б тебя! – тренер сморщился как от палёной водки. – Я-то думал, вроде ты кандидат… Ну, какая, хрен, разница!? – Скажем, что – кандидат в мастера спорта, да? Кто проверять-то будет. Спортсмен с кандидата начинается. Квалификационную книжку давай, мы там подправим что надо, я на неделе буду в областном спорткомитете.

Саня вышел из-за стола и отправился к трюмо, в свой «документник», искать «квалификационную книжку спортсмена-разрядника».

– Мы тебя всем представим – как руководителя бокса в Люберецком районе! – сказал тренер.

– Что ещё за руководитель такой? И разве есть районная федерация бокса? – усмехнулся Саня, возвратившись на кухню и бросив на стол квалификационную книжку.

– Нет, так будет! – подмигнул хитрец. – Кто в этом разбирается-то? У нас будет! Я же тебе говорю – начальство понаедет, шутка ли – турнир на призы местного воспитанника, Героя России! – Васильич многозначительно вытаращил глаза и снова воздел палец в потолок. – Поэтому оформим тебя по высшему разряду! Ты, главное Сам забудь про первый разряд. Кан-ди-дат в ма-сте-ра спорта! Вроде разница невелика, а у них, лохов, в башке это как кандидат наук отложится! – тренер скабрёзно ухмыльнулся.

– А те, кто знает меня хорошо не засмеют? – усомнился Саша. – Со мной же полгорода тренировались… Люберцы же!

– Над Героями, Саня, не смеются! – посерьёзнел тренер. – Их молча слушают и завидуют. Да и не велика разница по уровню, что КМС, что перворазрядник – сам же знаешь! А звучит принципиально круче! Особенно для лохов всяких! А лохов всегда и везде большинство.

– Ну, хорошо, понял, – пожал Саша плечами.

Собеседники выпили ещё по рюмке, зажевали лимонными ломтиками. Юрий Васильевич «захорошел», с хрустом потянулся и тепло глядя на воспитанника произнёс:

– Я вот, думаю, может мастером спорта тебя представить? Это всё-таки уже другой…

– Нет уж, хватит! – отрезал Саня. – А то так до олимпийского чемпиона дойдём!

– Хорошо, хорошо! – хохотнул Васильич. – Ты прав. Будем поскромнее. Тем более, что спортивные заслуги ничего Герою России добавить не могут. Наша задача простая, – напомнить, что ты наш воспитанник. Местный, свой парень. Которого мы вырастили.

– Ясно, ясно. Это другое дело, – успокоился Александр. – В следующую субботу значит. В 12? Я зайду пораньше на часок, всё обговорим в деталях.

– Так можно и сейчас обговорить! – возразил Васильич и торопливо налил по третьей. – Пока допьём… Ну, не в подъезде же мне одному допивать! – воскликнул тренер, увидев как скуксился собеседник. – Не виделись с тобой сколько, Сань! Не зазнавайся!

Санёк вздохнул и покорно кивнул. Он почувствовал некоторую неловкость. Получалось, что он, вроде как выпроваживал своего наставника. Но и напиваться с утра совершенно не было желания. Саша знал, что потом может последовать «продолжение». Как говорится: – «Знаем, проходили»!

– Ну, давайте обговорим. Но, Васильич! Я всё! – сказал Саня, отодвигая свою рюмку в сторону. – Рядом посижу, но сам не буду. У меня ещё дел выше крыши.

Скромный и безотказный Саша, понемногу пытался приобретать «героическую стойкость».

– Саша, прекращай! – возразил тренер, возвращая рюмку на прежнее место. – Бог любит Троицу. Что ты – не русский!? И какие дела в субботу? Ты теперь примером во всём быть обязан! Раньше ты мог бы любого обидеть, никто бы слова не сказал. А теперь не так! Зачураешься человека, а люди подумают: – «Да… Зазнался наш Сашка, как Героя дали. Не тот уже, наш Сашка»! – наседал тренер. – Вот этого, дорогой, ты допускать никак не должен. Так, что пей! Твоё здоровье, дорогой!

Выпили и захрустели солёными огурцами – лимон уже закончился. Внутри Санька присутствовало некоторое раздражение, но он не подавал виду. Герой приучался держать марку.

– Значит так, – бубнил тренер, сквозь набитый огурцом рот, – Костюмчик, белая рубашка – раз! Звезда героя – два! История про то как с малых лет мечтал стать боксёром и ге-

роем – три! – наставник узловатым указательным пальцем правой руки загибал пальцы левой. – Это программа минимум. А там, как говорится, по ходу пьесы! Годидзе?

– Годидзе-то годидзе… а кто финансирует всю эту музыку? – спросил Александр.

– За это даже не парься! – замахал Васильич рукой с надкушенным огурцом. – Скоба своим помощникам поручил все технические вопросы порешать. Просака здесь не будет!

Подзахмелевший Александр с несколько секунд вспоминал кто такой Просак, но так и не вспомнил.

– Впросак пусть лохи попадают! – продолжал тренер, дожевав закусь. – Это важно, чтобы порожняка всякого не было! Всё – по делу! Поэтому с тебя присутствие и речь… ну и там, наградишь победителя в твоей родной весовой категории. 67 что-ль ты был…

– До 71 килограмма.

– Да! Ну, и там – бодяга всякая, хорошая молодёшь идёт нам на смену… Ну, ты понял. Эх! Жаль, что ты не мастер…

– Я даже и не кандидат! – запальчиво ответил Саня.

– А? Не кандидат… Ну да, знаю… Нет! – стукнул тренер по столу кулаком. – Забудь! Теперь ты уже кандидат, привыкни к этой мысли, спи с ней! – хмурился Васильич. – Иначе нельзя! Врать надо с верой в победу! А я в понедельник в облспорткомитете буду, всё по закону и пропишем!

ГЛАВА 14. Боевое братство

Едва подзахмелевший Саша выпроводил тренера, как ему позвонили из местной организации ветеранов боевых действий, гордо именующейся – «Боевое Братство». Мужественный баритон навязчиво зазвал Александра Сергеевича с визитом к ним, напирая на пожелание «товарищей из района».

«Советский Союз – 2.0!» – воскликнул про себя Саня. – «Товааарищи из райоооона»! «Вечный Зов» – какой-то! Двадцатая серия! «Товарищи из района на сенокосе!»

Организация была достойная, заслуживала уважения. На «новых дрожжах», пока не разморило, Санёк стал быстро одеваться.

– Даже странно, что вы нас так долго игнорили, Александр Сергеич! – пробасил, грузно опершись ладонями о стол, одутловатый председатель организации. Он тяжело приподнялся и вышел навстречу. – Вы же герой! – гудел он. – Я не про официальное звание даже. Скажу вам по совести, толковых парней у нас не так много. Как хотелось бы! – руководитель сходу брал быка за рога. – Лезут-то многие, да, вот, толку от них… Одно сотрясание воздуха! Валерий Петрович, меня зовут! – представился он протягивая Саше руку. – Летал в Афгане на «вертушке». Одна контузия, два ранения,

три награды, – отрекомендовался он и пристально посмотрел в лицо Саши. – Вы, знаю, тоже хлебнули лиха!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.